

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1987

7

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. Қ. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСҚАНДЕРОВ, акад. АН УзССР Қ. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос. наук Т. С. САЙДБАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 30.07.87. Подписано к печати 3.09.87. P03660. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,30. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 1018. Заказ 179. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1987 г.

К 70-летию Великого Октября

А. К. ВАЛИЕВ

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
ВЗАИМОПОМОЩЬ НАРОДОВ СССР В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ**

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, характеризуя на июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС задачи партии по коренной перестройке управления экономикой страны, подчеркнул, что этот Пленум проходит в преддверии важнейшего события в жизни партии, всего нашего общества — 70-летия победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«Великий Октябрь,— сказал М. С. Горбачев,— возвестил миру о рождении нового государства рабочих и крестьян, утвердил гуманные принципы социально-экономического развития общества, возвысил человека труда, открыл простор для инициативы и творчества масс. Все это позволило нам в кратчайшие исторические сроки превратить страну в могучую индустриальную державу, успешно решить сложные социальные проблемы, создать великий многонациональный союз народов, идущих по пути социализма»¹.

Победа Великого Октября была одержана под знаменем пролетарского интернационализма. Она подтвердила пророческие слова Ф. Энгельса о том, что «только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями»². Вся история советского общества, ускоренное выравнивание уровней экономического, социального и духовного развития всех наций и народностей нашей многонациональной Родины — яркий пример последовательного осуществления незыблемых принципов пролетарского, социалистического интернационализма, взаимопомощи и всестороннего сотрудничества народов, сплоченных мудрой ленинской национальной политикой КПСС в единую братскую семью.

Только в условиях социалистического общественного строя, на прочном фундаменте дружбы и взаимопомощи народов, пролетарского, социалистического интернационализма стали возможными бурный рост экономики и культуры, ускоренное формирование новой национальной интеллигенции у народов Средней Азии и Казахстана. А. М. Горький подчеркивал, что «нигде в прошлом, даже в эпохи величайших напряжений энергии, как, например, в эпоху Возрождения, количество талантов не росло с такой быстротой и в таком обилии, как растет оно у нас за время после Октября»³.

Достижения народов Советского Востока в ускоренном формировании национальных кадров интеллигенции стали не только результатом огромных усилий самих этих народов, но в решающей мере — плодотворным результатом постоянной заботы Коммунистической партии

¹ Правда. 1987. 26 июня.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 590.

³ Горький А. М. Собр. соч.: В 30 томах. Т. 27. С. 45.

и Советского государства, щедрой, бескорыстной и многообразной интернациональной помощи и взаимопомощи всех социалистических наций, прежде всего — русского народа.

В ходе социалистического строительства важнейшим каналом формирования новой народной интеллигенции становится подготовка их через растущую сеть средних специальных и высших учебных заведений. Уже в сентябре 1920 г. в Ташкенте по декрету, подписанному В. И. Лениным, было открыто первое на Советском Востоке высшее учебное заведение — Туркестанский (ныне Ташкентский) государственный университет. Созданием его была заложена прочная база для массовой подготовки национальных кадров интеллигенции. В организации университета, обеспечении его профессорско-преподавательскими кадрами, научным оборудованием, учебной литературой неопределимую братскую помощь оказали ученые Москвы, Ленинграда и других городов. Из Москвы в Ташкент для работы в университете прибыли десятки высококвалифицированных специалистов — профессоров и преподавателей, вложивших много труда, знаний и энергии в подготовку кадров национальной советской интеллигенции, создание базы для развития науки в Средней Азии и Казахстане. Их имена золотыми буквами вписаны в историю культурного развития народов этого обширного региона.

Ташкентский университет стал родоначальником высших учебных заведений республик Средней Азии. Впоследствии с его помощью и на базе его отдельных факультетов было создано 13 вузов в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане.

Для подготовки дипломированных специалистов среднего звена были открыты многочисленные средние специальные учебные заведения — промышленные, сельскохозяйственные, медицинские, педагогические, музыкальные и т. д.

В Ташкенте, где в 20—30-е годы были сосредоточены основные научно-культурные силы края, для подготовки учительских кадров были открыты узбекский, казахский, киргизский, туркменский, таджикский, татарский, еврейский институты просвещения. Большинство вузов, созданных в Узбекистане в годы построения социализма, назывались «среднеазиатскими», ибо до конца 40-х годов, будучи единственными по своему профилю, они призваны были готовить специалистов для всех республик Средней Азии и Казахстана. И они в целом успешно выполняли эти почетные интернациональные функции. Например, в 1924 г. в университете обучалось 119 узбеков, 113 киргизов и казахов, 34 туркмена⁴.

Ташкент стал крупным центром высшего педагогического образования среднеазиатских республик и Казахстана. В 1920 г. здесь был открыт Киргизско-казахский краевой институт просвещения, в 1924 г. — Таджикский институт просвещения, в 1926 г. — Казахский педагогический институт, где работали ученые и педагоги различных ташкентских вузов и научных учреждений. Приглашались также московские и ленинградские ученые — акад. В. В. Бартольд, проф. С. Е. Малов и др.

Партия придавала особое значение коммунистическому просвещению трудящихся Средней Азии и Казахстана. Первым учебным заведением, в котором готовились квалифицированные кадры партийных и советских работников из коренного населения, стал Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ), созданный в Ташкенте в 1922 г. Контингент его студентов особенно вырос после национально-государственного размежевания среднеазиатских республик. В 1925 г.

⁴ Партийная жизнь. 1967. № 10. С. 86.

в нем учились 237 студентов из Узбекистана, 28 — из Таджикистана, 55 — из Туркмении, 123 — из Казахстана, 61 — из Киргизии.

Проблема подготовки собственных кадров высококвалифицированной интеллигенции, прежде всего производственно-технической, особенно остро встала в годы социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Грандиозные планы довоенных пятилеток по созданию мощной тяжелой индустрии, новых отраслей промышленности, объединению крестьян в коллективные и советские хозяйства требовали многочисленных квалифицированных инженерно-технических, агрозооветеринарных и других специалистов.

Особенно неудовлетворительно были обеспечены специалистами промышленность и сельское хозяйство среднеазиатских республик и Казахстана. В 1929 г. в Узбекистане насчитывалось всего 232 инженерно-технических работника (из них лишь 94 с высшим и 95 со средним специальным образованием), в Туркменской ССР — 34, в Таджикской — 18. В 1927 г., по данным Наркомата труда, специалистов сельского хозяйства в Узбекистане было 133, в Туркмении — 49 человек⁵.

Для обеспечения растущих потребностей в специалистах в годы первой и второй пятилеток во всех национальных республиках были открыты, наряду с другими, индустриальные и сельскохозяйственные высшие и средние учебные заведения. Так, на базе и с помощью САГУ были открыты Среднеазиатский сельскохозяйственный институт, Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт, Таджикский сельскохозяйственный, Туркменский зооветеринарный, Среднеазиатский индустриальный и многие другие вузы. В самих республиках появляется множество отраслевых промышленных, сельскохозяйственных, медицинских, педагогических высших учебных заведений.

Громадную помощь в подготовке кадров национальной интеллигенции оказывали высшие и средние специальные учебные заведения Москвы, Ленинграда и многих других городов. Например, в 1922 г. в Москве обучалось 200 туркестанцев, в 1923 г. туда было направлено еще 300 человек. В 1926/27 г. в вузах Москвы, Ленинграда и других городов насчитывалось 329 посланцев Таджикистана, 1530 представителей Киргизии, 500 — Каракалпакской автономной области⁶.

Ныне в этих республиках действует разветвленная сеть высших и средних специальных учебных заведений. Во всем народном хозяйстве Средней Азии и Казахстана в 1985 г. было занято 3892,6 тыс. специалистов, в том числе 1769,5 тыс. с высшим и 2123,1 тыс. — со средним специальным образованием. Только в 126 высших учебных заведениях обучалось 711 тыс. студентов⁷.

И сейчас, когда во всех республиках широко развита система высшего и среднего специального образования, практика взаимопомощи в подготовке специалистов, направления молодежи местных национальностей на учебу в Москву, Ленинград и другие центральные города не только не утратила своего значения, но, наоборот, приняла еще более широкий размах. Партия требует дальнейшего усиления международного обмена кадрами, подчеркивая его огромное политическое значение.

Растущий международный обмен специалистами, взаимопомощь народов СССР в подготовке кадров через высшие и средние специальные учебные заведения стали объектом государственного планирования. Ежегодно в вузы и техникумы Узбекистана зачисляются сотни посланцев из всех союзных республик. Например, в 1984/85 учебном

⁵ Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М., 1935. С. 202.

⁶ Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. М., 1974. С. 249.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1985 году: Стат. сб. М., 1986. С. 404, 509.

году в 42 вузах Узбекистана обучались многие представители братских народов: 11,5 тыс. татар, 11,2 тыс. казахов, более 7 тыс. таджиков, 3 тыс. туркмен, 2,5 тыс. украинцев, свыше 2 тыс. армян, 15,5 тыс. студентов других национальностей. Многонационален и состав учащихся средних специальных учебных заведений Узбекистана.

В то же время тысячи юношей и девушек из Узбекистана получают образование в вузах и техникумах Москвы, Ленинграда, всех республик Советского Союза. Ежегодно в УзССР происходит набор свыше 500 абитуриентов в эти вузы и техникумы, что является живым воплощением социалистического интернационализма и братской взаимопомощи народов СССР и играет большую роль в интернациональном воспитании масс.

Одно из важнейших завоеваний культурной революции в республиках Средней Азии и Казахстане — создание и развитие многочисленных кадров высококвалифицированной национальной художественной интеллигенции — писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, артистов, композиторов, кинематографистов, художников и др.

Выдающийся советский государственный деятель и ученый А. В. Луначарский, в течение 10 лет после Октябрьской революции возглавлявший культурное строительство в нашей стране, писал: «Эпохи глухие, серые приводят большинство своих дарований к увяданию, эпохи же яркие, революционные... выделяют особо большое количество талантов, богато оплодотворенное самой эпохой»⁸. Об этом убедительно свидетельствует и расцвет художественной культуры народов Средней Азии и Казахстана.

Путь создания и развития социалистического национального искусства, формирования и идейно-теоретической закалки национальной художественной интеллигенции в республиках Средней Азии и Казахстана был трудным и тернистым. Народы этого огромного региона до революции не знали многих жанров современного искусства — оперы, балета, симфонии, кантаты, станковой живописи, скульптуры и др. Народное искусство было представлено кочующими народными фольклорными театрами, акынами, дарбазами (канатоходцы), аскиябазами, кизикчи (острословы). Наиболее развито было одnogолосое пение в сопровождении народных музыкальных инструментов. Широкой популярностью пользовались талантливые певцы, бахши, акыны, виртуозные исполнители на народных инструментах (дойра, гиджак, рубаб, домбра, дутар, сурнай, комуз и др.).

Но лишь после победы Октября были созданы все необходимые условия для подлинного расцвета духовного творчества, раскрытия талантов и дарований среди всех народов страны.

Уже в первые годы революции связали свою жизнь с великим делом строительства социализма Хамза Хаким-заде Ниязи, А. Авляни, М. Суфизаде, А. Кадыри (Узбекистан), Джамбул, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, С. Муканов, А. Ауэзов, Г. Мусрепов (Казахстан), С. Айни, А. Лахути (Таджикистан), акыны-демократы Т. Сатылганов, Т. Молдо (Киргизия), народные поэты Кёр-Молла, Дурды Клыч, Байрам-Шахир, затем Б. Кербабаев, Ата Каушутто, К. Бурунов, Я. Насырли (Туркмения) и др. Эти поэты и писатели стали зачинателями и основоположниками новой, советской национальной литературы в Средней Азии и Казахстане.

Творчество М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, К. С. Станиславского, В. И. Немровича-Данченко, С. Эйзенштейна и других выдающихся деятелей советской литературы и искусства стало подлинным университетом для формирования художественной интеллигенции народов Средней Азии и Казахстана.

⁸ Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. М., 1958. С. 55.

С. Айни писал: «Творчество Горького очень многому научило меня и, нужно сказать, оказало решающее влияние на формирование как советского писателя... Не только на меня, на всех советских таджикских писателей, на все таджикское литературное творчество Горький оказывал огромное воздействие»⁹.

Выдающийся киргизский поэт, Герой Социалистического Труда А. Токомбаев с признательностью говорил о непосредственном влиянии на него поэзии Маяковского: «Я старался подражать ему во всем. Я без конца читал его, изучал, старался овладеть его поэтическими приемами, постигнуть внешнюю и внутреннюю структуру его стихов»¹⁰.

О благотворном влиянии А. М. Горького и В. В. Маяковского писал и выдающийся узбекский поэт Г. Гулям: «Самым близким и родным для меня писателем стал А. М. Горький. С особенной любовью перечитывал я его произведения «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты», «На дне». И учился, постоянно учился у него»¹¹. «Стихи Маяковского,— говорил он,— определили мой творческий путь, вывели меня как поэта на широкую дорогу новой социалистической поэзии»¹². Творчество М. Горького оказало огромное влияние и на становление художественного мастерства Сабита Муканова, Мухтара Ауэзова, Б. Кербабая и многих других.

В 20—30-е годы в литературу народов Советского Востока вливается большой отряд молодых поэтов, писателей, драматургов, получивших образование в советской школе. Многие из них учились литературному мастерству в Москве и Ленинграде. Их первыми учителями были выдающиеся мастера слова — М. Горький, В. Маяковский и другие советские писатели и поэты. Впоследствии они составили основной костяк национальной художественной интеллигенции Средней Азии и Казахстана.

Сохраняя присущие каждой национальности колорит и формы, литература народов Средней Азии и Казахстана вместе с тем стала развиваться как неразрывная часть многонациональной литературы социалистического реализма. Она ярко отображала героический труд строителей социализма, активно утверждала принципы коммунистической морали, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, самым действенным образом вторгалась в глубь общественных явлений.

В 30-е годы в республики Средней Азии и Казахстан для оказания помощи в развитии музыкальной культуры и подготовке национальных кадров приехали известные русские композиторы Р. Глиер, С. Василенко, А. Козловский (в Узбекистан), Е. Г. Брусиловский (в Казахстан), В. Власов, Ф. Фере, П. Шубин, П. Раухвергер (в Киргизию), С. Баласанян, А. Ленский, С. Урбах (в Таджикистан), Б. Мейтус, К. Корчмаров, А. Шапошников (в Туркмению). Продолжая славные традиции русских композиторов и музыкантов, они оказали громадную помощь в формировании, дальнейшем развитии и расцвете музыкальной культуры народов Средней Азии и Казахстана. В тесном творческом содружестве с национальными кадрами они заложили фундамент профессиональной музыки в этих республиках.

Первыми музыкальными драмами, ставшими ступенями к созданию оперных произведений, были «Гульсара» Р. Глиера (Узбекистан), позднее переработанная Р. Глиером и Т. Садыковым в оперу; «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын» Е. Г. Брусиловского (Казахстан), «Алтын кыз» («Золотая девушка») В. Власова и Ф. Фере (Киргизия).

⁹ Коммунист Таджикистана. 1954. 19 авг.

¹⁰ Дружба народов. 1950. № 2. С. 159.

¹¹ Гулям Г. Избранное. Ташкент, 1953. С. 7—8.

¹² Дружба народов. 1950. № 2. С. 140.

Многие оперные и балетные произведения создавались в тесном сотрудничестве местных композиторов с русскими. Плодотворные результаты дало творческое содружество С. Василенко и М. Ашрафи, Р. Глиера и Т. Садыкова, Т. Кулиева и Б. Мейтуса, В. Мухтарова и М. Равича, В. Власова, А. Молдыбаева и Ф. Фере.

Первыми учителями и наставниками кинематографистов Узбекистана были энтузиасты советского кино О. Фрейлих, К. Гертель, В. Добржанский, М. Доронин, Р. Мессерер, А. Усольцев и другие, которые внесли неоценимый вклад в развитие киноискусства и подготовку национальных кадров кинематографистов в Узбекистане.

В развитии изобразительного искусства в Средней Азии и Казахстане, подготовку кадров художников местных национальностей много труда вложили русские художники П. П. Беньков, З. М. Ковалевская, О. К. Татевосян, В. И. Уфимцев, Н. Г. Хлудов, С. А. Чуйков, В. В. Образцов, И. И. Черинько, С. Н. Бегляров и многие другие.

Опыт формирования и развития национальной социалистической интеллигенции в Средней Азии и Казахстане свидетельствует о том, что организационная помощь, учеба и благотворное влияние представителей интеллигенции русского и других братских народов составляли тот мощный фактор, которому новая национальная интеллигенция была обязана своими успехами.

Если рассматривать обособленно количественный и качественный рост интеллигенции отдельной социалистической нации за годы Советской власти, то он может показаться, особенно для тех, кто смотрит на эти процессы со стороны, неким чудом. Но это чудо рождено советской явью, социалистической действительностью, огромной заботой Коммунистической партии и Советского государства, политикой социалистического интернационализма, совместными усилиями большой дружной семьи многонациональной советской интеллигенции.

Объективный процесс помощи и взаимопомощи народов СССР в подготовке кадров национальной интеллигенции — важнейший фактор и условие ее дальнейшего творческого роста, формирования и укрепления ее интернационалистских черт.

В последние годы в Узбекистане развернулась решительная борьба с негативными явлениями. Среди них — ранее практиковавшаяся в республике система подбора и выдвижения кадров не по деловым, политическим и нравственным качествам, а по признакам родства, землячества, личной преданности, угодничества. Широкое распространение получили взяточничество при назначении на ту или иную руководящую должность. Социальная коррозия и разложение коснулись многих звеньев партийного и советского аппарата, торговли и бытового обслуживания, сферы образования, народного здравоохранения и др. К уголовной и партийной ответственности были привлечены многие должностные лица, вставшие на путь преступлений.

В республиканских партийных, советских и других органах заменены многие скомпрометировавшие себя, неспособные, случайно выдвинутые лица. В этих условиях остро встал вопрос о кадрах. И вновь на помощь республике пришла партия, ее ЦК, пославшие в Узбекистан сотни высококвалифицированных, опытных, испытанных партийно-советских и хозяйственных кадров. Это — новое проявление интернационализма нашего строя и общества.

Большую помощь получает республика в подготовке партийно-советских кадров. Около 200 молодых, перспективных партийных работников из Узбекистана ныне обучаются в Академии общественных наук при ЦК КПСС, высших партийных школах Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Ростова, Саратова, в Академии народного хозяйства СССР.

Большое внимание уделяется посылке на стажировку и на работу молодых перспективных работников из Узбекистана, в основном местных национальностей, в центральные партийные, советские, хозяйственные органы страны, в крупные индустриальные и культурные центры, на ведущие промышленные объекты.

В совершенствовании подготовки и интернационального воспитания кадров, усилении взаимопомощи братских народов в этом важном деле большое значение имеет установка январского (1987) Пленума ЦК КПСС о том, что в целях усиления интернациональной закалки кадров, обогащения их опытом партийной и государственной работы необходимо активизировать обмен кадрами между республиками и регионами, между местными и центральными органами. Эта ленинская традиция получает ныне новый импульс.

Идеология социалистического интернационализма стала нормой поведения миллионов советских людей всех национальностей. Социалистическому обществу чужды любые проявления национализма и шовинизма. Однако пережитки этих буржуазных идеологий могут иметь место среди отсталых элементов общества. Сказываются недостаточная политическая зрелость определенной части людей, в том числе интеллигенции, их приверженность к устарелым традициям и обрядам, консерватизм по отношению к новому, неумение разобраться в закономерностях развития наций и национальных отношений. Поэтому, подчеркивается в Программе партии, КПСС будет и впредь решительно выступать против любых проявлений «национализма и шовинизма, национальной ограниченности и национального эгоизма...»¹³

Партия уделяет неослабное внимание воспитанию всех советских людей в духе братской дружбы, социалистического интернационализма. Предмет особой заботы партийных организаций всех республик — правильный подбор, подготовка, расстановка и воспитание кадров различных национальностей, строжайшее соблюдение ленинского принципа подбора и выдвижения кадров по политическим, деловым и моральным качествам.

Интернациональный характер нашего общественного и государственного строя, экономической и духовной жизни, политики и идеологии определяют интернациональную природу и духовный облик всей многомиллионной армии советской народной интеллигенции.

Многонациональная социалистическая интеллигенция Страны Советов единодушно поддерживает генеральную линию партии, ее курс на коренную перестройку, обновление и ускорение социально-экономического развития общества на основе совместных усилий, тесного сотрудничества и взаимопомощи всех братских народов СССР.

¹³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 165.

К 60-летию „Худжума“

Л. ЗАЛЬЦМАН

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЖЕНЩИН
СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Среди важнейших завоеваний социализма в СССР особую значимость имеют решение женского вопроса, формирование нового образа жизни многомиллионных масс тружениц города и села.

Веками женщина занимала неравное положение с мужчиной в обществе и семье. Менялись формы неравноправия и угнетения женщин, само же неравенство, закрепленное эксплуататорским государством, его правовыми и иными институтами, и освященное религией, оставалось незыблемым. Только Великий Октябрь дал женщине возможность встать вровень с мужчиной, создал реальные условия для свободного развития всех ее способностей и дарований. Революция, строительство нового мира стали делом самих женщин, и в этом процессе формировался их качественно новый, присущий социализму, образ жизни.

«Отличительные черты нового образа жизни,— отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— коллективизм и товарищеская взаимопомощь, торжество идей свободы, неразрывное единство прав и обязанностей каждого члена общества, достоинство личности, подлинный гуманизм»¹.

Советские женщины как составная часть нашего общества, одна из крупнейших его социальных групп объективно отражают сложившийся в стране социалистический образ жизни, выступают его активными носителями. Им присущи те же черты, что и всей социальной общности, имя которой — советский народ.

Формирование качественно нового, социалистического образа жизни женщин Узбекистана, как и Советского Востока в целом, имело свои особенности, в которых отразилось своеобразие процессов социалистических преобразований в условиях бывшей отсталой колониальной окраины царской России.

До победы Великого Октября в Средней Азии господствовали патриархально-феодальные отношения, тесно связанные с религиозными предписаниями и запретами. Элементы капитализма, проникая лишь в среду производства, не затрагивали отношений в семье и быту. Бесправие, замкнутость жизни в семье, обрекавшая женщин местных национальностей на затворничество, неограниченный приоритет мужчины были характерными чертами старого семейного быта, всего образа жизни восточной женщины.

Великий Октябрь положил конец такому положению женских масс. На разных этапах истории советского общества на передний план выступали специфические факторы складывавшегося в нашей стране образа жизни, утверждавшие фактическое равенство женщин. Коммунистичес-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 7.

тическая партия и Советское государство, строго учитывая сложность и специфику решения женского вопроса в национальных районах, стремились максимально использовать в целях раскрепощения женщин все методы, наиболее отвечающие условиям экономического и социального уклада их жизни. Была разработана и осуществлена целая система юридических, экономических, социальных и культурно-воспитательных мероприятий для ликвидации неравного положения женщин в быту, формирования их нового образа жизни.

Уже первые декреты Советской власти предоставили женщинам равные с мужчинами права на труд, его оплату, образование, отдых, социальное страхование.

В начальный период женские массы по своему профессиональному, общеполитическому, образовательному уровню, сложившимся вековым обычаям и нравам, естественно, не были готовы к тому, чтобы сразу воспользоваться всеми возможностями, открытыми для них новыми законами. Потребовался целый комплекс демократических и социалистических преобразований, подготовивших почву для осуществления широкой программы обеспечения подлинного равноправия женщин. Реализация гарантированных прав женщин при социализме возведена была в ранг государственной политики.

Реальной основой становления нового образа жизни советских женщин стало их полное раскрепощение на основе активного включения в сферу общественного производства. «Для полного освобождения женщины,— считал В. И. Ленин,— нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде»².

Учитывая своеобразные условия жизни и быта женщин местных национальностей, Советское государство создавало для них производственные кружки, из кружков вырастали артели, мастерские, организовывались специальные женские фабрики.

Производственный коллектив играл особую роль в формировании новой личности женщин, утверждении социалистического образа их жизни. В 1928 г. доля женщин — рабочих и служащих в общей численности занятых в народном хозяйстве УзССР составила 18%, к 1940 г. она поднялась до 31%, а ныне составляет 43%. В 1985 г. в народном хозяйстве Узбекистана трудилось 2082 тыс. женщин³.

Социализм, освобождая труд от эксплуатации, превратил его в важнейшее средство развития человеческой личности. Именно с общественно полезным трудом связывают женщины свое призвание, престиж, новый социальный статус, свойственный социалистическому образу жизни.

Общественно полезная деятельность женщин, ее характер, направленность, содержание позволяют судить об их помыслах, чувствах, ценностных ориентациях, установках. «По каким признакам,— спрашивал В. И. Ленин,— судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей?... такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей»⁴. И добросовестный творческий труд сотен тысяч женщин Узбекистана реально и убедительно раскрывает их установки и помыслы.

Социологические исследования последних лет вскрыли сложную систему мотивов их профессиональной деятельности. «Желание быть в коллективе», «чувствовать моральное удовлетворение от сознания того, что вносишь свой скромный труд в общее дело» — такие ответы

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 201.

³ Женщины Советского Узбекистана: Краткий стат. сб. Ташкент, 1984. С. 5; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1985 году. Стат. ежегод. Ташкент. 1986. С. 226.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.

были получены в ходе интервьюирования женщин, работающих в различных сферах народного хозяйства республики.

Исследования показали, что труд для большинства женщин стал не просто основой ее независимого экономического положения, а делом их человеческого достоинства, в нем они находят высокое нравственное удовлетворение.

Узбекистан — республика, в которой сельскохозяйственное производство — одна из ведущих отраслей народного хозяйства. Это обуславливает высокий удельный вес сельского населения и занятых в сельскохозяйственном производстве трудовых ресурсов. Женщины составляют 50% трудоспособных членов колхозов⁵. Численность женщин, занятых в сельскохозяйственном производстве, по сравнению с 1928 г. увеличилась к 1983 г. в 104 раза, тогда как общее количество женщин в народном хозяйстве республики за эти годы возросло в 65 раз⁶.

На формирование образа жизни сельских тружениц существенное влияние оказывает специфика их труда. Как известно, в отличие от промышленности, для земледелия характерна сезонная периодичность в использовании рабочей силы. Углубляет различия в образе жизни городских и сельских жителей наличие подсобного хозяйства. Однако в целом все эти различия носят относительный характер.

Социализм коренным образом изменил характер и содержание труда женщин в сельском хозяйстве. Появление новых отраслей, рост комплексной механизации, насыщение производства современной высокопроизводительной техникой освободили сельских тружениц от многих трудоемких процессов, основанных на тяжелом ручном труде.

Курс на комплексную механизацию оказал существенное влияние на перераспределение работников, в том числе женщин, в сельскохозяйственном производстве. Все большее число женщин Узбекистана осваивают профессии тракториста, комбайнера, машиниста-оператора, которые еще в недалеком прошлом считались в основном мужскими. Неузнаваемо изменился образ жизни сельских тружениц с тех пор, как в марте 1937 г. Мастура Азизова первой из женщин Советского Востока освоила технику вождения трактора⁷. Сейчас тысячи узбечек управляют сложными машинами. Это стало одной из типичных черт нового образа жизни женщин социалистического Узбекистана.

Для образа жизни сельских тружениц характерны глубокая заинтересованность в результатах своего труда, чувство удовлетворения трудовой деятельностью. Об этом свидетельствуют и социологические исследования. Так, из 3 тыс. обследованных сельских тружениц 77,2% заявили о своей удовлетворенности работой. Только 8,8% были ею недовольны. Главные причины этого — тяжесть труда (25,8%), неудовлетворительные условия (24,8%), плохая организация труда (17,8%), трудности в повышении квалификации, продвижении по работе (9,5%)⁸.

Социализм создал необходимые условия для активного участия женщин республики во всех отраслях народного хозяйства. Наибольший удельный вес их в 1985 г. был в здравоохранении, физической культуре, социальном обеспечении — 73%, в народном образовании — 58,6, в культуре — 59,4, в торговле и общественном питании — 55,9%⁹.

Общественно-трудовая активность женщин Узбекистана — эффективное средство и вместе с тем — закономерный результат социально-

⁵ Женщины в СССР. М., 1986. С. 9.

⁶ Женщины Советского Узбекистана. С. 13—15.

⁷ Правда Востока, 1978. 8 марта.

⁸ Социально-экономические проблемы использования женского труда в Узбекской ССР. Ташкент, 1980. С. 100.

⁹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1985 году. С. 226.

экономического освобождения тружениц республики. Социализм сделал труд духовной потребностью широких масс советских женщин, характерной чертой их образа жизни.

Существенной чертой социалистического образа жизни женщины Советского Узбекистана стала высокая образованность. Преодоление культурной отсталости женщин Востока Коммунистическая партия рассматривала как одну из важнейших задач нового общества, получивших реальное решение в ходе культурной революции.

Одной из главных задач культурного строительства на отсталых в прошлом национальных окраинах были ликвидация неграмотности женщин, рост их образования и культуры, борьба с феодально-патриархальными отношениями в быту, формирование богатого духовного облика тружениц города и села.

Ликвидация неграмотности женских масс стала одним из самых выдающихся достижений культурной революции в Узбекистане и в то же время — необходимейшим условием формирования их нового, социалистического образа жизни. Это стало возможным благодаря успешному построению в республике фундамента социализма, последовательному проведению в жизнь ленинской национальной политики.

Предметом особой заботы партии был полный охват школьным образованием девочек местных национальностей. В целях культурного прогресса женщин развертывалась сеть культурно-просветительных учреждений — клубов, библиотек и т. д.

Подготовка женских кадров для народного хозяйства и культуры Узбекистана осуществлялась через профтехучилища, школы ФЗУ, рабфаки, техникумы, институты просвещения (инпросы) и, наконец, вузы.

Быстрый рост грамотности, подготовки женских кадров в высших и средних специальных учебных заведениях способствовали неуклонному увеличению численности женщин-специалистов, занятых в общественном производстве. В 1926 г., например, в Узбекистане среди инженерно-технических работников было лишь две женщины-узбечки, среди медицинских работников — 16, учителей и других культурно-просветительных работников — 206. А в 1980 г. в народном хозяйстве республики было занято 233 тыс. женщин-узбечек с высшим и средним специальным образованием. В 1985 г. число женщин-специалистов во всех отраслях народного хозяйства УзССР превысило 686 тыс. человек, или 50% общей численности специалистов¹⁰.

Как известно, получение образования — не самоцель, а объективное условие всестороннего развития личности. В. И. Ленин говорил, что образование «создает почву для культуры»¹¹. В условиях социализма образование не только выступает показателем культуры человека, но и становится важнейшим фактором дальнейшего развития личности, мощным средством совершенствования производства, духовной сферы, всего образа жизни.

Одна из важнейших черт современного образа жизни женщин республики — рост их общественно-политической активности. Социализм породил множество форм и видов общественно-политической деятельности людей. Особое значение в этом процессе В. И. Ленин придавал участию трудящихся масс, в том числе женщин, в управлении государством. «...Для нас важно, — писал он, — привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся»¹².

Чтобы женщины на деле могли реализовать свои равные права с мужчинами в области управления, КПСС и Советское государство раз-

¹⁰ Женщины Советского Узбекистана. С. 5; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1985 году. С. 228.

¹¹ Цеткин К. Воспоминания о Ленине. Т. II. М., 1957. С. 458.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 53.

работали целую систему мероприятий. Большую роль в их реализации сыграли организованные в 20-е годы при партийных комитетах специальные отделы по работе среди женщин, которые всемерно втягивали местных женщин в общественно-политическую жизнь.

В развитии общественно-политической активности работниц, батрачек и крестьянок важное место принадлежало и делегатским собраниям. Они спланировали вокруг Коммунистической партии, Советов, профсоюзов широкие слои женщин-тружениц, становились действенной школой их политического воспитания.

В 1920—1921 гг. в Туркестанской АССР было 978 делегатов, в том числе 340 представительниц местной национальности. В 1921 г. делегатки-узбечки работали уже в ряде государственных учреждений и профсоюзов. Они принимали активное участие в организации и проведении различных кампаний — по оказанию помощи фронту, голодающим Поволжья, в деятельности общества «Долой неграмотность», организации субботников и т. д.¹³ Делегатки из кишлаков, аулов, артелей, мастерских участвовали в работе Советов, активно включались в борьбу с калымом, выдачей замуж несовершеннолетних, затворничеством, в работу различных комиссий по обследованию советских учреждений и др.

Опираясь на этот богатый опыт работы в женских массах, Коммунистическая партия и Советское государство всемерно содействуют все более широкому вовлечению женских масс в управление производством, делами общества и государства. Они принимают активное участие в работе партийных и государственных органов, возглавляют ответственные участки производства и культурного строительства. Женщины составляют половину членов профессиональных союзов республик. входят в состав их руководящих органов и отраслевых комитетов. В общей численности депутатов, избранных от Узбекистана в высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР, одну треть составляют женщины, в Верховном Совете УзССР — 36% депутатов, в местных Советах — почти половину¹⁴. Тысячи женщин плодотворно работают в постоянных комиссиях Советов, участвуют в деятельности депутатских групп.

Важным показателем растущей общественно-политической активности советских женщин является их деятельность в рядах КПСС. Среди коммунистов республики 180 тыс. тружениц — лучших представительниц рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции.

«Труд и самоотверженность — такова жизненная позиция большинства наших женщин», — сказал с трибуны V съезда женщин республики первый секретарь ЦК КПУз И. Б. Усманходжаев¹⁵.

На развитии и дальнейшем укреплении социалистического образа жизни женщин Советского Узбекистана в последние годы отрицательно сказались негативные явления в экономической и социальной жизни республики, вскрытые XXVII съездом КПСС, XXI съездом Компартии Узбекистана, пленумами ЦК КПУз. Многие партийные, советские органы, предприятия и хозяйства, общественные организации уделяли недостаточно внимания условиям труда женщин, вопросам их отдыха, облегчения домашних работ. В республике систематически не выполнялись планы строительства жилья, школ, детских дошкольных учреждений. Медленно совершенствовались служба быта, общественного питания, организация торговли. Все это в конечном счете сказалось и на

¹³ Аминова Р. Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 120.

¹⁴ Правда Востока. 1987. 26 апр.

¹⁵ Там же.

степени трудового участия женщин в общественном производстве, и на эффективности их труда. Вместе с допускавшимися нарушениями принципов социальной справедливости, взяточничеством, приписками, очковтирательством они привели к тому, что «у части работающих женщин вопросы, связанные с производством, находятся где-то на последнем месте»¹⁶.

Советский народ единодушно поддержал решительные мероприятия партии по выявлению и устранению этих и иных негативных явлений, коренной перестройке всей жизни страны. На XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что сейчас, когда во всех сферах общества развернулась перестройка, страна особенно нуждается в живом творчестве широких масс, «мы рассчитываем на поддержку женщин... всех наций и народностей Советской страны»¹⁷.

Перестройка, совершенствование социалистического образа жизни непосредственно связаны с более эффективным участием женщин в общественном производстве. В этой связи надо отметить, что в республике 1 млн. 120 тыс. женщин еще заняты исключительно домашним хозяйством, остаются вне сферы общественного производства, где закладываются и формируются лучшие черты членов социалистического общества. Практика социалистического строительства, формирования советского образа жизни показывает, что если для женщины основная цель, жизненный идеал ограничиваются только интересами своей семьи, то ее уделом становятся домашний труд, обслуживание домочадцев. В таких семьях вопрос о развитии личности женщины как полноценного члена общества, как важного условия формирования молодого поколения не может быть решен. Вот почему партия считает, что привлечение женщин к общественно полезному труду, обеспечение условий для их плодотворной работы — «это вопрос не только экономический, но и политический»¹⁸.

Вопросы совершенствования образа жизни женщин республики не ограничиваются производственным аспектом. Они тесно взаимосвязаны с решительным улучшением всей социальной сферы, о чем подробно говорится в решениях партийных съездов, Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз.

Выработанная партией широкая программа коренной перестройки и ускорения социально-экономического развития страны, всемерной демократизации и повышения роли человеческого фактора нацелена и на повышение социальной активности женских масс, утверждение и развитие их качественно нового образа жизни, формирование ценнейших личностных качеств активных участников строительства коммунизма.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 97.

¹⁸ Правда Востока. 1987. 26 апр.

Диалектика развития производительных сил и производственных отношений развивающегося социализма

Э. Л. ЗОЛОТАРЕВ, В. И. СОКОВНИН

ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

С ростом населения, развитием науки и техники, увеличением масштабов общественного производства объективно происходит все более интенсивное вовлечение природных ресурсов в сферу хозяйственной деятельности людей. Эффективность ее в решающей мере зависит от уровня обеспеченности природными ресурсами, их качества, состояния окружающей природной среды.

В этой связи весьма актуальным является осознание того факта, что непрерывно развивающийся научно-технический прогресс не устраняет зависимость общественного развития от природных условий, а ведет лишь к изменению и усложнению этой зависимости. Современное общество, с одной стороны, не может удовлетворять своей потребности без интенсивного использования природных ресурсов в сфере производства, а с другой, — оно вынуждено охранять окружающую природную среду, поскольку от состояния последней зависит и эффективность производства, и комфортность условий жизни людей, да и сама возможность существования человека, жизни на Земле.

Подчеркивая объективный характер зависимости общественного производства от состояния природы, К. Маркс в одном из своих писем Ф. Энгельсу отмечал, что «человеческие проекты, не считающиеся с великими законами природы, приносят только бедствия»¹.

Во все времена, при всех исторических формациях наблюдалась напряженность во взаимоотношениях между природой и обществом, вернее, в той их части, которая касалась меры эксплуатации тех или иных ресурсов. Поэтому нельзя считать, что конфликтная ситуация между человеком и природой стала возникать лишь в последнее время, в век научно-технического прогресса. Резкие, подчас катастрофические нарушения природного равновесия возникали и в глубокой древности. Вспомним тотальное истребление лесов на Апеннинском полуострове и на полуострове Пелопоннес в период существования Римской империи, гибель цветущей цивилизации в Месопотамии от неправильного орошения в междуречье Тигра и Евфрата несколько тысяч лет назад и др.

Следовательно, постулат о якобы катастрофических последствиях воздействия человека на природу только в наше время надо признать ошибочным. Однако верно и другое — никогда раньше не наблюдалось тотальное усиление воздействия техногенного фактора по всей планете или, по крайней мере, в большинстве регионов мира. Сейчас практически не сохранилось ни одной территории, где бы не ощущалось в той или иной форме хозяйственное воздействие на природу. Таким образом, самым существенным отличием нашего времени от прошлого пе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 210.

риода в рассматриваемом аспекте является глобальное распространение хозяйственной деятельности, причем не на отдельные природные компоненты, как раньше (в приведенных выше примерах — на растительность в районах Средиземноморья и на орошаемые земли в Месопотамии), а на всю биосферу, всю окружающую природную среду того или иного достаточно крупного природного или хозяйственного региона. Лишь такие отдаленные от хозяйственного воздействия территории, как высокогорья, ледники, снежники, могут быть признаны, да и то весьма условно, «чистыми», не затронутыми человеком.

В результате нарастающего тотального влияния хозяйства на природу (прямого и косвенного) последняя, естественно, испытывает отрицательные факторы антропогенного загрязнения и истощения, а то и гибели отдельных природных ресурсов.

Узбекистан в этом отношении не является исключением. Более того, как республика с большим разнообразием природных, экономических и социальных условий, она характеризуется большими, весьма пестрыми различиями во взаимоотношениях внутри системы «природа — хозяйство» в разных частях своей территории. В отдельных местах (Ферганская долина, Хорезмский оазис и др.) наблюдается чрезвычайно сильное антропогенное воздействие на природу, особенно связанное с химизацией сельского хозяйства, в других (Ташкентская агломерация, Ангрен-Алмалыкский горнопромышленный район) — интенсивная индустриализация привела к чрезмерному истощению и нерациональному использованию недр, нарушению поверхности земли, неэффективному ее использованию, загрязнению воздушного бассейна, истощению естественной растительности и животного мира. Каждый из этих районов отличается спецификой и характером напряженности взаимоотношений в системе «природа — хозяйство».

В связи со сказанным можно отметить, что во всех общественно-экономических формациях, на любой территории существовало и существует некое единство между той или иной природо-хозяйственной системой и сформированной над ней природоохранной надстройкой. Точнее сказать, каждой системе производства соответствует своя система природопользования и охраны окружающей среды. При этом надо подчеркнуть, что указанное единство следует понимать в марксистском толковании — идет непрерывная борьба тенденций, неуклонное развитие и «стремление» производства как бы оторваться от системы контроля за правильностью природопользования. Это не чей-то злой умысел, а объективная закономерность — обычно рост производительных сил опережает производственные отношения; последние как бы постоянно «догоняют» опережающие их производительные силы.

Это в полной мере относится и к соотношению хозяйственной и природоохранной деятельности (во всяком случае, на примере многочисленных фактов прошлого и настоящего). Тем не менее важнейшая задача всякой системы природопользования, функционирующей на любой территории, — обеспечение максимально возможного соответствия системы природоохранных мер характеру и масштабам конкретного регионального природопользования.

Методологической основой правильного решения указанной задачи является определение границ (пределов) интенсивности (степени эксплуатации) каждого вида природных ресурсов на данной территории и всего их комплекса. Иными словами, крайне важно выяснить предельно допустимую нагрузку (пределы роста), при которой состояние того или иного ресурса (за исключением невозобновляемых) не претерпит качественного и количественного ущерба. Эта первая методологическая позиция должна быть подкреплена второй — нахождением оптимального уровня эксплуатации ресурсов, при котором природе

и экономике не только не наносился бы существенный ущерб в процессе природопользования, но, наоборот, общий народнохозяйственный эффект был бы максимальным. Два упомянутых варианта природопользования призваны, на наш взгляд, служить теми рамками, в которые должна вписываться та или иная природохозяйственная система любого региона.

Исходя из этих отправных положений, попытаемся определить, в каком направлении должна совершенствоваться региональная система природопользования и ее составная часть — система охраны и воспроизводства природных ресурсов (на примере Узбекистана). Как уже отмечено, она должна соответствовать существующему характеру развития производительных сил. Более того, на наш взгляд, она должна учитывать и содержать в себе некоторые моменты, которые отвечали бы требованиям основных тенденций перспективного развития данного региона.

Анализ показывает, что существующая система природопользования и охраны никоим образом не отвечает указанным критериям. Ее основной недостаток заключается в большом и все увеличивающемся разрыве (несоответствии) между характером и интенсивностью эксплуатации ресурсов и системой их охраны. Тот или иной ресурс в большинстве случаев эксплуатируется и охраняется многими министерствами и ведомствами. Так, водные ресурсы используются Агропромом, промышленными отраслями, коммунальным хозяйством, энергетикой, транспортом, рыбным хозяйством и многими другими отраслями, интересы которых подчас противоречивы и наносят ущерб не только взаимным интересам, но и качеству воды, зачастую приводят к ее истощению. Одновременно с этим контроль над использованием воды осуществляет множество природоохранных инспекций, принадлежащих разным ведомствам — Минводхозу, Минздраву, Минрыбхозу, Мингеологии и др. Эта разветвленная сеть в силу того, что она подчинена различным ведомствам, не в состоянии эффективно функционировать и даже противодействовать противоправному водопользованию. Так, Управление водных ресурсов Минводхоза УзССР в течение многих лет не препятствует процессу загрязнения основных водных источников Средней Азии — рек Амударьи и Сырдарьи, — происходящему в результате постоянного сброса в них коллекторно-дренажных стоков с орошаемых полей. В таком сбросе прямо заинтересован главк, поскольку это позволяет получать определенное количество недостающей для полива воды. И хотя это явно противозаконная мера, но подведомственному министерству Управление не в состоянии этому воспрепятствовать.

Аналогичное положение и с другими ресурсами, хотя особенно острая ситуация сложилась в республике именно с водой. Другим весьма серьезным препятствием в организации эффективной системы регионального природопользования (и не только в Узбекистане) служит отсутствие действительной заинтересованности в рациональном использовании ресурсов, их «бесхозность». В самом деле, ни одно министерство или ведомство не выступает по существу полноценным «хозяином» того или иного ресурса, а следовательно, не заинтересовано в бережном его сохранении и расходовании.

Когда говорят, что у нас общенародная собственность на все средства производства, в том числе на природные ресурсы, это, конечно, соответствует марксистскому пониманию сущности социалистического способа производства и, безусловно, правильно. Но реальная ситуация такова, что, к сожалению, понятие «общенародная ответственность» слилось с абстрактным понятием «всеобщее», которое, как показала практика последующего хозяйствования, трансформировалось в понятие «ничье» — «не наше», четко отделяясь от понятия «мое», «личное».

К сожалению, нам пока не удалось слить эти два понятия воедино. Реальность есть реальность и с нею надо считаться.

Учитывая целостность и неразрывную связь природных ресурсов, особенно важно учесть необходимость комплексного подхода к природопользованию. Надо быстрее преодолеть отмеченное выше отношение к природным ресурсам. Этого можно добиться только экономическими, а не декларативными, волюнтаристскими методами, или благими пожеланиями.

В первую очередь, на наш взгляд, необходимо дать не только экономическую оценку, но и определить реальную «цену» того или иного природного ресурса. При этом мы не собираемся опровергнуть установку К. Маркса о том, что цену может иметь только тот ресурс, в который вложен человеческий труд. Именно на этом постулате основывались и основываются некоторые ортодоксальные политэкономы, говоря, что все природные ресурсы изначально не имеют «цену». Но ведь ни один из ныне эксплуатируемых природных ресурсов не избегал той или иной человеческой «обработки», затрат труда (пожалуй, лишь за исключением воздуха), а потому, безусловно, должен чего-то стоить. Более того, даже абсолютно «нетронутый» человеком ресурс, находящийся, скажем, в недрах, должен быть, по нашему мнению, оценен вполне определенно и конкретно по своей потребительской стоимости по аналогии с другими ресурсами, наконец, как «сокровище». К сожалению, пока инерция мышления во многих случаях не позволяет нам уйти от стереотипов и оценить в рублях стоимость того или иного ресурса.

В результате страна с огромным, но не безграничным природным потенциалом несла и продолжает нести огромный, вполне реально осязаемый ущерб от нерационального использования тех или иных природных богатств. А теперь рассмотрим ситуацию, в которой будут преодолены указанные негативные процессы, обезличка, закамуфлированная демагогическим эпитетом «всенародное», «всеобщее», будет заменена реально действующим экономическими рычагами. Собственность на средства производства будет принадлежать вполне ответственным и конкретным органам: Совету Министров Союза ССР, Советам Министров союзных республик и входящим в их состав министерствам и ведомствам, которые, в свою очередь, на определенный срок и условиях передоверяли бы право пользования теми или иными ресурсами конкретным природопользователям. При этом весьма существенная, а не чисто символическая, как это практикуется сейчас, цена того или иного ресурса была бы тем сдерживающим фактором, который привел бы к нормализации и рациональному использованию данного ресурса. Разумеется, этап такого «привыкания» и привития тем или иным ведомствам чувства ответственности и «хозяина» по отношению к тому или иному ресурсу — процесс весьма длительный. Видимо, этот процесс будет протекать весьма болезненно, имея в виду преодоление тех многочисленных препятствий, которые были созданы за годы прошлого, весьма неэффективного природопользования.

Возможен и другой, альтернативный вариант, — скажем, будет создана новая отрасль народного хозяйства — «Природопользование и охрана окружающей природной среды», на которую была бы возложена функция «владельца» природных богатств; она имела бы право на определенных экономических и природоохранных (ограничительных) условиях передоверять пользование ресурсами тому или иному министерству и ведомству. При этом было бы крайне важным, чтобы пользование тем или иным ресурсом было, по возможности, если не «вечным», постоянным, то хотя бы весьма долгосрочным. Это бы тоже существенно стимулировало, воспитывало у каждого конкретного при-

родопользователя чувство «хозяина» ресурса, прививало бы умение рачительно, рационально использовать и экономить любой вид сырья. Практика частой передачи права пользования ресурсами разным организациям, равно как и многоведомственный природоохранный контроль, порождали и порождают чувства бесхозяйственности и равнодушия к делу правильного природопользования, стремление побольше «изъять» для блага своего ведомства, для себя лично, на данный момент.

Может возникнуть законное опасение, что определение цены ресурса и платность за его пользование породят стремительный рост цен на все производимые товары. Однако это — вполне естественная экономическая закономерность, объективный и, более того, позитивный процесс — его не надо бояться и избегать, как это делалось в прошлом. Такое «сдерживание» цен путем установления чисто символической цены на ресурсы и право пользоваться ими привело, на наш взгляд, к обратному эффекту, так как порождало огромные излишества и нарушения в природопользовании, а как следствие — удорожание сырья.

Таким образом, не нужно бояться и избегать этого вполне естественного экономического процесса, хотя на первых порах функционирования новой системы природопользования может произойти определенный рост цен на производимые товары. В последующем, по мере все более интенсивного внедрения природосберегающей технологии на основе новейших достижений науки и техники, будет достигнут существенный прогресс в экономии ресурсов. Рост цен, таким образом, может быть значительно замедлен, а с учетом тщательного контроля за ценами на товары и предотвращения их необоснованного повышения (последнее, к сожалению, происходит сейчас, при еще существующем «затратном» механизме экономики), он может быть приостановлен. Более того, при дальнейшем функционировании названной системы можно будет возвратиться к политике систематического снижения цен на товары и услуги, но это уже будет происходить на вполне «законном» экономическом фундаменте, со строжайшим соблюдением, а не нарушением законов стоимости и ценообразования, имеющих всеобщий характер.

Реализация указанных мер позволит значительно повысить эффективность и рациональность нынешней системы природопользования и уже фактически, а не на словах, осуществить высоконравственный лозунг о слиянии понятия «мое» и «наше», по крайней мере, в отношении естественных производительных сил — наших природных ресурсов, в целом достаточно больших, но далеко не безграничных.

Рассмотрим этот вопрос еще с одной стороны. Как отмечает доктор экон. наук Б. Ракитский в статье «Экономическая эффективность и социальная справедливость»², ученые пришли к выводу, что, помимо экономического эффекта, каждый из вариантов хозяйственного решения несет, как правило, те или иные социальные и экологические последствия. Причем на ликвидацию негативных последствий требуются дополнительные затраты или затраты на компенсацию. Однако суть используемых в настоящее время методик определения экономической эффективности вариантов хозяйственных решений заключается в игнорировании различий экономических и социальных сторон хозяйственных процессов. Реальные отношения характеристик не допускают их простого суммирования. Надо разработать принципиально иные подходы к определению социально-экономической эффективности общественного производства, научно-технического прогресса и хозяйственно-организационных решений.

² См.: Правда. 1987. 9 янв.

На первый план должны быть выдвинуты принципы социальной справедливости, которые выступают как требования должной социальной направленности хозяйственной деятельности. Этому отвечают и требования социалистического природопользования, экологической безопасности. В настоящее время в большинстве случаев предпочтение отдается максимизации экономической эффективности, что нередко приводит общество к невосполнимым потерям. Мы поддерживаем мнение Б. Ракитского, что стратегия ускорения социально-экономического развития предполагает приоритетность социальной эффективности и экологической безопасности. Только соответствующие этим требованиям хозяйственные решения принимаются к сравнению по экономической эффективности. Именно в этом заключается перестройка всего экономического мышления.

Иногда утверждают, что многие специалисты, занимающиеся проблемами охраны окружающей среды, вносят в решение этих вопросов много эмоционального, ничего общего не имеющего с техническими, организационными задачами решения проблем природопользования. Но воспитанная эмоция — это ведь прежде всего то чувство меры в любой деятельности человека и даже в его мышлении, которое так необходимо в настоящее время. Из эмоции возникает этика поведения, также необходимая в любой сфере жизни, в том числе в экологии. От ученых требуются высокий моральный уровень и чувство ответственности за предлагаемые решения, совершаемые действия. Безответственные действия, прикрываемые наукой, могут нанести, а иногда и приносят нашей стране огромный вред. И пора повысить ответственность ученых и практиков за принимаемые решения и действия. После XXVII съезда КПСС в стране идет качественная перестройка в сознании и действиях советских людей. Есть все основания надеяться, что она затронет и такую важную сферу, как природопользование, где крайне необходимо критическое отношение к застарелым негативным явлениям.

Надо сделать так, чтобы впредь ни одно хозяйственное решение (план, проект, задание, технико-экономическое обоснование, распоряжение и т. д.) не принималось без предварительной экологической оценки. Нам нужен широкий общенациональный экологический контроль, с тем, чтобы внимательно следить за полным и своевременным выполнением в народном хозяйстве экологических требований и природоохранительных заданий.

К сожалению, еще многие руководители, рядовые граждане и даже некоторые работники природоохранных и правоохранительных органов считают порчу земли, отравление и иссушение водных источников, хищническую эксплуатацию полезных ископаемых и лесов, загрязнение воздуха и т. п. малозначительными фактами на фоне грандиозных успехов экономического и социального развития страны. Одна из причин этого — недооценка социальной, общественной опасности экологических нарушений, всей проблемы охраны окружающей среды.

Одним из факторов оценки природоохранной деятельности является определение ее эффективности. Определение общей эффективности капитальных вложений необходимо при оценке фактической результативности проводимых природоохранных мероприятий. Она измеряется путем соотнесения годового объема полного экономического эффекта с капитальными вложениями, обеспечивающими этот результат.

Наряду с показателями общей эффективности должен использоваться показатель абсолютной экологической эффективности. Последний рассчитывается как величина снижения вредных выбросов в окружающую среду (воздух, воды, почвы), уменьшение объемов нарушения элементов биосферы (лесные и земельные ресурсы, использование

воды и т. п.) на единицу капвложений, вызвавших это снижение. Этот эффект представляется в натуральной форме, но он лишь частично отражает общую величину народнохозяйственного эффекта. В отдельных случаях возможно несовпадение динамики экологической и экономической эффективности. Поэтому при выборе тех или иных вариантов природоохранных мероприятий важное значение имеет определение их сравнительной эффективности. В качестве критерия выступает минимум суммы текущих и капитальных затрат, приведенных к единой размерности. Условием сравнения экологической эффективности вариантов природоохранных мероприятий является их тождественность по конечному экологическому результату. Существенное влияние на оценку экологической эффективности оказывает и рост объемов производства. В отдельных случаях деятельность по снижению выбросов в окружающую среду (внедрение мало- и безотходных технологий, газопылеулавливающих средств, водосберегающих процессов и т. д.) нивелируется в результате наращивания объема производства и тем самым прироста выбросов загрязнителей.

Расчеты экономического эффекта охраны окружающей среды из-за несовершенства методических разработок и в силу их сложности, отсутствия исчерпывающей информационной базы носят пока несистематический характер. Оценить в целом и по регионам динамику экологической эффективности затрат на охрану окружающей среды за ряд лет не представляется возможным. Имеющиеся данные позволяют определить ориентировочный уровень экологической эффективности. По данным О. Балацкого, экономический ущерб народному хозяйству от снижения выбросов на 1 т уменьшается: по пыли — на 60—100, по сернистому ангидриду — 40—90, окиси углерода — 10—30 руб./т³.

По этим данным можно определить эффективность затрат на охрану природной среды. Например, капвложения на охрану воздушного бассейна от загрязнения составляют в среднем 10 млн. руб./год, при этом снижение выбросов вредных веществ составляет 20 тыс. т. Следовательно, на 1 руб. капзатрат достигается снижение выбросов до 20 кг. При минимальной оценке снижения экологического ущерба 10 руб./т эффективность затрат составляет 0,2 руб./руб., что выше нормативной эффективности по народному хозяйству в целом.

При этом можно выявить группу факторов, имеющих определяющее значение для повышения экономической эффективности затрат на охрану окружающей среды. Прежде всего — фактор технический — ускорение внедрения достижений научно-технического прогресса в средства охраны окружающей среды. Второй фактор — региональный, чисто специфический для природоохранной деятельности, когда характер проявления природоохранного эффекта зависит от экономической значимости снижения выбросов, отражающей влияние плотности населения, форм расселения, уровня промышленного и сельскохозяйственного развития региона. Наибольший эффект достигается в регионах с большей плотностью населения, высокоразвитой промышленностью, близ курортных территорий, заповедников, санитарных, водоохраных зон. Наименьший — вдали от населенных мест, на неудобных для освоения землях. Учет этих факторов при распределении затрат позволяет повысить экономическую эффективность природоохранной деятельности.

Исходя из сказанного, по нашему мнению, назрела настоятельная необходимость дополнить систему показателей долгосрочного прогнозирования и планирования специальными показателями, характеризующими эффективность затрат на охрану природы. Роль их состоит

³ Вестник Харьковского политехнического института. 1981. № 184. С. 63.

прежде всего в учете особенностей региональной и социально-экономической обстановки, обосновании размещения затрат на природоохранную деятельность по районам и отраслям. Использование в плано-проектной практике показателей экономического эффекта будет способствовать рациональному межотраслевому распределению инвестиций экологического назначения. Определение плановой и фактической эффективности экологических затрат может служить основой развития и внедрения хозрасчета в области экологии.

В предлагаемых ныне методических рекомендациях⁴ расчет по определению экономического ущерба рекомендуется проводить при планировании и проектировании «средозащитных мероприятий». Нам представляется, что все вновь вводимые и реконструируемые объекты должны отвечать экологическим требованиям с учетом сравнения вариантов по минимизации затрат на их осуществление. Более важная задача — осуществление природоохранных мероприятий на действующих объектах. В целях определения приоритетности распределения природоохранных капиталовложений надо выявить в первую очередь степень влияния отрасли (предприятия) на состояние окружающей среды (экологические показатели — объем выбрасываемых вредных веществ, их токсичность, реакция окружающей среды на загрязнение и т. п.), а затем рассчитать экономический ущерб, который несет, во-первых, само предприятие из-за загрязнения им окружающей среды, а во-вторых, — все народное хозяйство. В первом случае ущерб можно охарактеризовать как прямой, во втором — косвенный. Прямой ущерб выражается, во-первых, в потере предприятием сырья и других ценных продуктов, выбрасываемых в виде отходов в окружающую среду; во-вторых, — в недовыпуске продукции из-за невыхода работников вследствие повышения их заболеваемости; в-третьих, — в ускоренном износе основных фондов. Косвенный ущерб рассчитывается как сумма локальных и отраслевых ущербов, наносимых здравоохранению, жилищно-коммунальному хозяйству, промышленности, сельскому хозяйству, с учетом региональных условий, выражающихся в значении определенных коэффициентов (см. «Методику»).

В целях экономического воздействия на отрасли (предприятия) за загрязнение окружающей среды нами предлагается ввести штрафные санкции, которые определяются в зависимости от нерационального использования земельных, водных и других сырьевых ресурсов, объемов выбросов загрязняющих веществ и удельных показателей ущерба на единицу нарушенных (неиспользуемых рационально) ресурсов и вредных выбросов. Ориентировочные удельные показатели имеются в предлагаемых методиках. Однако в отдельных случаях они требуют экспериментальной проверки и уточнения. При снижении отрицательного влияния на окружающую среду производственные единицы должны поощряться из соответствующего природоохранного фонда.

В этом случае министерства и ведомства, эксплуатирующие те или иные ресурсы, могли бы эффективно «перестроиться» в плане решения природоохранных проблем, используя чисто экономические, а не запретные рычаги, как это делается обычно. Например, перспективно, на наш взгляд, создание на каждом предприятии своеобразного фонда охраны окружающей среды, который располагал бы средствами в зависимости от того, насколько экологически чистым является данное производство. При этом предприятия, превышающие установленные для них «лимиты» загрязнения, были бы обязаны в централизованном по-

⁴ Временная типовая методика определения экономической эффективности осуществления природоохранных мероприятий и оценки экономического ущерба от загрязнения окружающей среды. М., 1983; и др.

рядке передавать штрафы за такое природопользование на счета экологически «чистого» предприятия.

Капитальные вложения на природоохранные мероприятия должны определяться с учетом потребностей народнохозяйственных объектов в их осуществлении. В частности:

1) капиталовложения на охрану водных объектов определяются, исходя из необходимости осуществления затрат на создание:

— станций биологической, физико-химической и механической очистки коммунально-бытовых и производственных стоков;

— сооружений и установок по доочистке сточных вод, включая поля орошения (кроме земледельческих);

— водоохраных зон с комплексом технологических, лесомелиоративных, агротехнических, гидротехнических, санитарных и других мероприятий, направленных на предотвращение загрязнения, засорения и истощения водных ресурсов;

— опытных установок и цехов, связанных с разработкой, испытанием и доводкой методов и средств очистки сточных вод;

— установок и сооружений для сбора, транспортировки, переработки и ликвидации жидких производственных отходов и кубовых стоков;

— систем канализации городов и поселков и др.;

2) капиталовложения на охрану воздушного бассейна включают затраты на создание:

— установок для улавливания вредных веществ из отходящих газов от технологических выбросов и из вентиляционных потоков;

— сооружений для обезвреживания и утилизации уловленных вредных веществ;

— заводов и отдельных цехов по выпуску и ремонту газоочистного оборудования;

— контрольно-регулирующих пунктов по проверке и снижению токсичности выхлопных газов оборудования с двигателями внутреннего сгорания;

3) капиталовложения на охрану земель от всех видов разрушения и т. д. включают затраты на:

— строительство противоэрозионных, гидротехнических, противоселевых сооружений;

— террасирование крутых склонов;

— создание защитных лесных полос;

— рекультивацию земель;

— строительство берегоукрепительных сооружений и т. д.

Расчет потребности в капиталовложениях производится, исходя из удельных нормативов и объемов выбросов (нарушений). Удельные нормативы принимаются по «Укрупненным системным нормам».

Возможными источниками финансирования, по нашему мнению, должны стать:

— собственные отчисления на реновацию со стоимости имеющихся очистных сооружений за 5 лет, предшествующих плановому (прогнозируемому) периоду;

— кредиты Госбанка — до 25% потребности в капиталовложениях;

— бюджетные ассигнования вышестоящих организаций;

— ассигнования из фонда природоохранной деятельности региона (города, района, области), обеспечивающие недостаток средств по предыдущим статьям.

Природоохранный фонд создается при местных (территориальных) органах управления.

Участие предприятий в решении экологических проблем города (региона) заключается в максимальном снижении (предотвращении) экономических, социальных и природно-экологических потерь, обуслов-

ленных влиянием их деятельности на окружающую среду. Оно предполагает создание единого для территории города (района, ТПК, области) фонда охраны окружающей среды за счет кооперирования средств производственных объектов. Фонд устанавливается, исходя из объема капитальных вложений, необходимая для обеспечения экологической инфраструктуры, предусмотренной разделом «Охрана окружающей среды» в плане социально-экономического развития города, региона и т. д. Источником формирования фонда, помимо централизованных капвложений, должны служить отчисления предприятий.

Территориальный фонд природоохранного назначения, формируемый за счет долевых платежей предприятий, определяется как разность между требуемыми капвложениями на охрану окружающей среды и выделяемыми из централизованных фондов.

Объем долевого участия каждого предприятия определяется в зависимости от их величины (производственная мощность, объем товарной продукции, характеризующий в определенной мере степень использования экологической инфраструктуры) и объема выделения в окружающую среду различных отходов. Определение доли платежей осуществляется следующим образом. Все предприятия по объектам приведенных выбросов делятся на 5 групп. В первую группу входят предприятия, наименее загрязняющие окружающую среду. Для нее устанавливается минимальная ставка платежей на 1000 руб. товарной продукции. Размер ставок для последующих групп возрастает в арифметической прогрессии. Разница между ставками каждой группы составляет $1/3$ минимальной ставки.

Минимальная ставка платежей определяется как отношение требуемого объема капвложений, формируемого за счет платежей предприятий, к суммарному объему товарной продукции города (ТПК, области, региона).

Абсолютный размер долевого участия каждого предприятия определяется путем умножения соответствующей ставки, учитывающей группу предприятия по загрязнению окружающей среды, на объем товарной продукции.

Наличие природоохранного фонда у территориальных органов управления позволит правильно и оперативно решать вопросы охраны природы, не допускать либо своевременно ликвидировать негативное влияние хозяйственной деятельности на окружающую среду.

Решения партии — в жизнь!

А. Ф. ФАЙЗУЛЛАЕВ

**РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ И ФИЛОСОФИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

Развитие науки и ускорение научно-технического прогресса имеют принципиальное значение для осуществления стратегического курса нашей партии на коренную перестройку и обновление всех сфер жизни советского общества. «Нам,— говорил М. С. Горбачев на июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС,— насущно необходим принципиальный прорыв на теоретическом фронте»¹. И здесь, как отмечается в Программе КПСС, «принципиальной, выверенной основой естественнонаучного и социального познания была и остается диалектико-материалистическая методология. Ее нужно и дальше творчески развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике»².

Перестройка должна касаться и проблематики исследований по диалектическому материализму и философским вопросам современного естествознания. Что же следует перестраивать? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем некоторые данные о развитии данной области знаний в Узбекистане.

Научные исследования по диалектическому материализму и философским проблемам естественных наук в республике были начаты в 20—30-е годы. Заметные сдвиги в этом направлении стали ощутимыми после 40-х и особенно начиная с 60-х годов.

Здесь мы попытаемся осветить состояние исследований по диалектическому материализму и философским проблемам естествознания в последнее десятилетие (1976—1986) и наметить перспективы их развития в условиях перестройки.

I. Некоторые итоги исследований

Исследования проводились в основном в Институте философии и права АН УзССР, ТашГУ, СамГУ, НГУ, ТГПИ, ТашПИ, ТВПШ, а также на философских кафедрах других вузов республики.

1. **Основная проблематика исследований.** В Институте философии и права АН УзССР разрабатывались вопросы диалектики развития фундаментального понятия кибернетики — «алгоритм», проявлений раздвоения динамической системы, классификации стыков наук, методов научного исследования, вопросы инерционных свойств устойчивости; выявлялись особенности отражения в макро- и микромире. Изучались природа связи и формы ее проявления; единство диалектики, логики и теории познания в аспекте восхождения; понятие факта в естественных и технических науках (А. Ф. Файзуллаев, М. Н. Абдуллаева,

¹ Правда. 1987. 26 июня.² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 167.

Р. М. Имамалиева, Б. Р. Каримов, Р. Х. Аманбаева, М. У. Усманов и др.). Разрабатывались вопросы диалектики соотношения глобальной и зональной экологии; проблема комплексного подхода к исследованиям явлений в условиях научно-технической революции; вопросы синтеза физических, химических, биологических, математических, кибернетических методов исследования с учетом инженерного подхода для понимания энергетических и информационных процессов в живых организмах с целью создания качественно новых технических устройств; развития представлений о предвидении (И. Хашимова, А. А. Файзиев, Н. Х. Эшметов, К. Ж. Туленова и др.).

Результаты исследований доложены на международных научных форумах (Москва, Токио, Карачи, Алма-Ата, Бухара, Ургенч), всесоюзных научных конференциях (Москва, Ленинград, Дубна, Новосибирск, Пермь, Киев, Харьков, Таллин, Горький, Свердловск и др.).

Сотрудниками Института философии и права АН УзССР подготовлено и издано более десяти крупных работ, в том числе три — совместно с ведущими учеными-диаматчиками Института философии АН СССР (Диалектика принципов и законов в структуре научной теории. Ташкент: Фан, 1979. 144 с.; Материалистическая диалектика; Законы и категории. Ташкент: Фан, 1982. 344 с.; Методология и методы научного познания в условиях научно-технической революции. Ташкент: Фан, 1986. 288 с.). Среди авторов — ведущие философы республики, а также известные ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Алматы, Свердловска и других городов (М. Б. Митин, Д. И. Широков, Ю. В. Сачков, В. С. Тютин, А. П. Шептулин, И. Г. Герасимов, В. И. Губенко, А. Н. Нысанбаев, Г. И. Рузавин, О. Н. Органова, Н. О. Османов, Ю. А. Харин, И. Элез и др.).

Активно изучаются вопросы диалектики и в вузах республики. За исследуемый период учеными-философами вузов УзССР опубликовано около 20 работ. Исследованы проблемы детерминизма и редукционизма, законов и принципов, структуры и функции, стиля мышления и системного подхода (К. И. Иванова, Ж. Т. Туленов, М. Х. Хасанов, Р. Таганов, С. С. Камилова и др.). Проведен ряд конференций по теории познания.

При Институте философии и права АН УзССР работает Республиканский координационный Совет, способствующий комплексному развитию в республике исследований по проблемам диалектического материализма.

2. Подготовка и защита диссертаций. За 1976—1986 гг. в Узбекистане защищены десятки кандидатских и несколько докторских диссертаций по вопросам диалектического материализма. Проблематика исследований расширилась и углубилась.

Вопросам развития материалистической диалектики, категорий и понятий отдельных отраслей науки в условиях научно-технической революции посвящен ряд кандидатских диссертаций (М. Джалилов, А. В. Платонов, М. А. Рустамова, Ш. А. Шаисламов, В. Г. Черник и др.).

Основополагающее значение имеют гносеология, исследования структуры научного познания, уровней познания, единства диалектики, логики и теории познания (М. Атаева, Б. Д. Бабаев, Б. Р. Каримов, Ф. Н. Мансуров, Е. Т. Мусабеков, Э. Х. Расулев, А. А. Сарыкова, У. Э. Юсупов).

Разрабатывались проблемы диалектического противоречия и отражения действительности (М. И. Маруфи, М. Мамытов, Ш. Б. Юсупова). Обобщались достижения современного знания в аспектах парных категорий: возможность — действительность, причина — следствие, устойчивость — изменчивость, объект — субъект (З. Давронов, Ш. Б. Кахарова, А. Р. Просмушкин, С. Самадов, Ф. С. Саифназарова). Затро-

нута проблемы материи и движения, пространства и времени, идеи и идеализации, знака и моделирования (З. А. Велиев, А. Кадыров, Ж. М. Махкамов, Г. Х. Расулева, С. С. Сангинов, Б. О. Тураев, И. М. Туркова). Возрос интерес к системному подходу (И. Р. Акопян, Э. Сабиров, Д. П. Хабибуллаева, Р. У. Шакиров).

Ускорение научно-технического прогресса ставит ряд задач по совершенствованию управления, развитию теории информации и информатике (Э. И. Ахмедов, Б. Х. Джалилов, Ш. С. Кушаков). Определенно место занимают вопросы соотношения философии и естествознания, углубления научного мировоззрения (М. И. Исmoilов, Б. Утамбетов). Ряд диссертаций посвящен вопросам диалектики биологического и социального, проблемам экологии (Д. В. Бирюков, А. Ю. Зуев, М. Н. Кабулова). Освещаются проблемы теории, практики и предвидения (К. Ж. Туленова, Б. Чилагизов, Э. Х. Эрматов и др.).

Из докторских диссертаций по проблемам диалектического материализма надо отметить работы М. Н. Абдуллаевой, М. Х. Хасанова, Р. Таганова, Н. Н. Калошина, С. С. Камиловой. В них освещены вопросы диалектики адекватности отражения, системного метода, сущности и характера научной проблемы. Надо отметить, что докторских диссертаций по этой отрасли философской науки пока крайне мало.

3. Основные публикации. Ряд работ, опубликованных философами республики, посвящен философским и методологическим проблемам НТР. Освещаются методологические аспекты естествознания и проблемы диалектического противоречия, вызванные развертыванием НТР: процесс отражения форм существования материи и критерии применения методов кибернетики, физики и химии в изучении биологических явлений, вопросы развития формализованного языка, алгоритмизации и управления, методологические вопросы экологии и противоречивые моменты последствий НТР. Среди этих публикаций: Философские проблемы научно-технической революции/Под ред. А. Ф. Файзуллаева. Ташкент: Фан, 1977. 160 с.; Эргашев А. Диалектика объективного и субъективного в развитии научно-технической революции. Ташкент: Узбекистан, 1980. 187 с.; Хайдаров И. М. Новое качество в условиях социального и научно-технического прогресса. Ташкент: Узбекистан, 1983. 168 с.; Методология и методы научного познания в условиях научно-технической революции/Отв. ред. В. С. Тюттин, А. Ф. Файзуллаев. Ташкент: Фан, 1986. 388 с.

В ряде работ рассматриваются соотношение взаимодействия и отражения, адекватность отражения в движении познания, стремящегося воспроизвести целостную картину изучаемого аспекта действительности. Наряду с традиционными вопросами адекватности наблюдения, эксперимента, особое внимание уделяется проблемам статистических методов в познании объективного мира. Анализируются методы планирования эксперимента, имеющие широкое применение в развитии народного хозяйства и научных исследований. Это, в частности, работы: Облакулов С. Отражение и мышление. Ташкент: Фан, 1978. 79 с.; Теория отражения и современная наука/Отв. ред. А. Ф. Файзуллаев. Ташкент: Фан, 1983. 152 с.; Абдуллаева М. Н. Проблема адекватности отражения на эмпирическом уровне научного познания. Ташкент: Фан, 1982. 112 с.

Изучались основные структурные элементы стиля мышления, софистское, метафизическое, эклектическое и формально-логическое мышление как основные формы стиля мышления. Рассмотрены вопросы диалектики как общенаучного стиля мышления, его формирования. Таковы, например, работы: Туленов Ж. Т., Расулев Х. Г. Диалектика и научное познание. Ташкент: Узбекистан, 1977. 200 с. (узб. яз.); Туленов Ж. Т. Диалектика и стиль мышления. Ташкент: Фан, 1979. 63 с.; Диалектика и научное познание (материалы научно-теоре-

тической конференции). Ташкент: Фан, 1979. 243 с.; Нурматов М. Х. Об основоположениях материалистической диалектики. Ташкент: Узбекистан, 1979. 190 с.; Сеитов П. Д. Материалистическая диалектика как системная наука. Нукус: Каракалпакистан, 1979. 311 с.; Диалектика и современное научное познание/Отв. ред. Ж. Т. Туленов. Ташкент: Фан, 1982. 176 с.; Туленов Ж. Т. Диалектика и стиль научного мышления. Ташкент: Узбекистан, 1983. 276 с.; Формирование диалектического мышления (Сб. науч. тр.)/Отв. ред. Ж. Т. Туленов. Ташкент: ТГПИ, 1983. 127 с.; Камилова С. С. Научная проблема в свете марксистской гносеологии. Ташкент: Фан, 1984. 126 с.; Диалектика и анализ научного познания. Ташкент: Фан, 1984. 124 с.

В некоторых исследованиях делается попытка проследить, в чем проявляется гибкость категорий диалектики, показать ее методологическое значение для научного познания и практики. Освещается противоречивость категорий диалектики по объективному содержанию и в качестве логических форм мышления. Анализируется развитие категорий; уточняется содержание уже существующих и возникновение новых категорий в результате достижений современной науки и общественной практики; раскрывается гносеологическое, мировоззренческое и методологическое значение теории диалектики — «науки о всеобщей связи» (Ф. Энгельс). Это — работы: Диалектика абстрактного и конкретного/Отв. ред. М. М. Хайруллаев, А. Ф. Файзуллаев. Ташкент: Фан, 1978. 150 с.; Диалектика развития понятий в современной науке (Сб. ст.)/Отв. ред. Ж. Т. Туленов. Ташкент: ТГПИ, 1979. 144 с.; Туленов Ж. Т. Проблемы гибкости категорий в марксистско-ленинской диалектике. Ташкент: Фан, 1981. 171 с.; Хасанов М. Х. Структура и функция в системе категорий материалистической диалектики. Ташкент: Узбекистан, 1981. 246 с.; Лем Г. П. Скачок и противоречие. Ташкент: Фан, 1982. 90 с.; Никитченко В. С. Сущность и явление в соотношении с другими категориями. Ташкент, 1982. 239 с.; Якубов М. А. Закон единства и борьбы противоположностей. Нукус, 1981. 75 с.; Имамалиева Р. М. Природа связи и формы ее проявления. Ташкент: Фан, 1985. 103 с.; Принципы и категории научного познания (Сб. науч. тр. ТГПИ)/Отв. ред. О. С. Аббасова. Ташкент, 1983. 172 с.; Туленов Ж. Т. Взаимосвязь категорий диалектики. М.: Высш. школа, 1986. 96 с.

Предпринимаются попытки представить законы и категории диалектики в виде органически целостной системы, в которой каждая категория занимает строго определенное место и необходимым образом связана с другими категориями. Это позволило выявить ряд новых сторон диалектических закономерностей. В качестве необходимых звеньев единой системы вводятся такие категории, как «гармония», «основа» и «обоснованное», «элемент» и «структура», «элемент» и «система», «структура» и «функция», которые ранее не рассматривались в качестве категорий диалектики. Обобщаются большой естественнонаучный материал и практика современного социального развития. Анализируются такие вопросы, как природа научной теории, научный факт и его место в системе теории, идеи как зародыш теории, единство теории и практики познания, основные признаки и понятия научного закона, система научных законов, природа и генезис принципов. Рассматриваются методы и критерии научных принципов в соответствии с достижениями современной науки. Таковы работы: Диалектика принципов и законов в структуре научной теории/Отв. ред. А. П. Шептулин, А. Ф. Файзуллаев. Ташкент: Фан, 1979. 144 с.; Материалистическая диалектика: Законы и категории/Отв. ред. А. П. Шептулин, А. Ф. Файзуллаев и др. Ташкент: Фан, 1982. 344 с.

Ряд книг посвящены диалектической логике: Ахмедов М. М. Некоторые проблемы диалектической логики. Ташкент: Фан, 1976.

60 с.; Каримов Б. Р. Единство диалектики, логики и теории познания (В аспекте восхождения от абстрактного к конкретному). Ташкент: Фан, 1982. 53 с.; Проблемы диалектики и логики научного познания (Тезисы докладов)/Отв. ред. Ж. Туленов. Ташкент, 1984. 422 с.; Платонов В. В. Мировоззренческий «нейтрализм» логического позитивизма (Критический очерк). Ташкент: Фан, 1981. 151 с.

Даны новые постановки и решения ряда вопросов взаимосвязи методов науки и научной методологии всех уровней в условиях НТР. Особо выясняется методологическая функция диалектического материализма в современном научном познании, в частности в физических, математических, кибернетических, биологических, экологических и других исследованиях. Рассматриваются вопросы развития общенаучных понятий и подходов, анализируется соотношение системного и комплексного подходов, раскрывается эффективная роль комплексного подхода в развитии современной науки, особенно естествознания, в условиях НТР. Среди трудов по этим проблемам: Калошин П. Н. Материалистическая диалектика и системный подход. Ташкент: Фан, 1985. 149 с.; Файзиев А. А. Комплексный подход в научном познании. Ташкент: Фан, 1985. 119 с.; Вопросы методологии научного познания/Отв. ред. К. И. Иванова. Ташкент: ТашГУ, 1978. 159 с.; Ленинское философское наследие и методологические проблемы современного знания (Труды научн.-теор. конф.). Ташкент: ТашГУ, 1980. 166 с.; Некоторые вопросы методологии диалектического и исторического материализма/Отв. ред. К. С. Садыков. Ташкент: ТашГУ, 1979. 129 с.; Диалектика как методология современного научного познания (Сб. науч. тр. ТГПИ)/Отв. ред. Ж. Туленов. Ташкент: ТГПИ, 1980. 138 с.; Методологические проблемы социального познания (Сб. ст.)/Отв. ред. К. И. Иванова. Ташкент: ТашГУ, 1980. 112 с.; Шафиев Д. Методологические проблемы теоретического и эмпирического уровней познания в учебном процессе. Ташкент: Фан, 1982. 155 с.; Пулатов Х. П., Соболь К. И. Диалектический материализм и гуманизм. Ташкент: Узбекистан, 1985. 150 с.

Проблемы системного подхода к биосфере, общего и особенного, глобального и зонального в экологии, вопросы диалектического противоречия в охране окружающей среды освещены в работах: Биосоциальная природа человека и его сознания/Отв. ред. Б. И. Исмаилов. Ташкент, 1980. 146 с.; Саттаров Ю. Социально-философские аспекты экологических проблем. Ташкент: Фан, 1985. 112 с.; Хашимова И. С. Диалектика соотношения глобального и зонального в экологической проблеме/Отв. ред. А. Ф. Файзуллаев. Ташкент: Фан, 1986. 124 с.; Расулєва Г. Х. Диалектика соотношения биологической и химической форм движения материи/Отв. ред. А. Ф. Файзуллаев. Ташкент: Фан, 1984. 104 с.

II. Очередные задачи исследований в области материалистической диалектики

Крутой перелом во всех сферах жизни — требование времени. И наши философы не могут, не вправе оставаться в стороне от решения актуальных проблем.

1. Диалектика нужна самой философской науке в целях:

- а) преодоления догматизма и схоластики;
- б) освобождения от дефицита философского омысления;
- в) повышения категориального уровня;
- г) выявления диалектики в самой жизни, гносеологического оформления объективной диалектики;
- д) оптимального сочетания объяснительной функции и подхода к методическим классификациям решений диалектических противоречий;

е) удовлетворения запросов специалистов различного профиля, расширения сферы действия диалектики в исследованиях по другим отраслям философской науки, особенно исторического материализма. И в самом диамате обществоведческие объекты не должны занимать меньше места, чем естествознание;

ж) диалектического осмысления достижений диамата, освоения всеми специалистами подлинно диалектического мышления;

з) органического сочетания пропаганды идей диалектики и углубления ее новыми идеями;

и) усиления критического пафоса в мировоззрении и методологии.

2. Глубокое изучение диалектики необходимо для перестройки во всех сферах общества. Надо прежде всего:

а) освободиться от социальной пассивности, развить динамизм действия, и здесь очень важно то, что диалектика — живая душа общественной жизни;

б) разработать проблемы диалектики нового мышления, философии перестройки; мышление должно подчиняться требованиям реальных условий, учитывать их диалектику;

в) доводить дух диалектики до руководителей, ученых, работников культуры, широкой общественности, добиваясь того, чтобы они мыслили и действовали диалектически;

г) добиваться совершенствования соотношений категорий, законов, положений диалектики с воздействием на объекты природы, общества, мышления;

д) чтобы правильно изменять природу, — изменить мышление и психологию изменяющих субъектов;

е) не игнорировать тормозящие факторы, негативные явления, а изучать их с помощью диалектики;

ж) для познания общества глубже познавать человека, что возможно лишь с помощью диалектики;

з) широко и умело использовать для разрешения противоречий метод дискуссии. А это уже диалектика. И логика. Чего не достаёт многим вообще, философам — в частности;

и) обеспечить общее повышение уровня философской культуры, в основе которой заложена диалектика — методологическая, гносеологическая и мировоззренческая основа всякой культуры.

3. Организационные вопросы:

а) надо чаще практиковать дискуссионные рабочие совещания, резко сократив проведение «парадных» конференций;

б) следует организовать изучение учеными-философами иностранных языков, включая арабский или персидский язык, что необходимо для разработки истории философии и развития философской мысли на современном зарубежном Востоке;

в) как отмечалось на IV съезде Философского общества СССР, необходимы качественно новые труды по диалектическому материализму;

г) «Академкниге» и книготоргу следует доводить философскую литературу до читателя, в первую очередь — преподавателей философии в областных вузах, а также в других республиках;

д) не надо абсолютизировать базовое образование, особенно в области диалектического материализма. Как известно, наши ведущие диаматчики — не только философы, но и физики, биологи и др.;

е) в современной мировой философии стали частыми обращения к трудам Аристотеля, Канта, Гегеля. Представляют интерес комментирование и дальнейшее развитие идей Аристотеля выдающимися философами Средней Азии и вообще разработка проблем истории материализма и диалектики в Средней Азии;

ж) во многих диссертациях по различным проблемам философии, специально не относящимся к вопросам диалектического материализма, часто не затрагиваются вопросы диалектики, ее законы, категории, положения, особенно закон единства и борьбы противоположностей. Это положение надо поправить. Любой философский труд должен быть пронизан духом материалистической диалектики, базироваться на диалектическом материализме.

4. Практическая направленность теоретических исследований.

Исходя из установок партии, запросов практики, Институт философии и права АН УзССР разрабатывает в XII пятилетке тему: «Теория материалистической диалектики и проблемы поиска новых возможностей и их реализации в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса».

Как говорится в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС, «наша задача — широко, по-ленински осмыслить переживаемое время, выработать реалистическую, всесторонне взвешенную программу действий, которая органично соединила бы величие целей и реализм возможностей, планы партии — с надеждами и чаяниями каждого человека»³.

Все это требует разработки методологических и мировоззренческих проблем поиска новых возможностей в ускорении НТП, типологии возможностей и диалектики превращения их в действительность в развитии естественных, общественных и технических наук, в совершенствовании управления природными и социальными процессами. Особое значение для нас имеют анализ и обобщение научных и практических материалов по Узбекистану.

В Программе КПСС и других партийных документах изложена суть основных задач в области теории и практики реализации возможностей:

1. Проблема возможности в определении перспективы:

- а) будущее — не то, чего нет, а то, что существует в виде реальных возможностей;
- б) теория, практика и научное осмысление дают возможность определения перспективы;

в) в порядок дня встала задача более полного и эффективного использования возможностей социализма для всемерного его совершенствования, означающего движение советского общества к коммунизму.

Для этого необходима мобилизация всех технических, экономических, социальных факторов и возможностей.

2. Наука и возможность:

- а) развешивать научные исследования, открывающие новые возможности революционных сдвигов в интенсификации экономики;
- б) обеспечивать опережающее развитие поисковых, фундаментальных исследований;
- в) умело использовать творческие возможности ученых;
- г) обеспечить мобильность научных кадров.

3. НТП и возможность:

- а) использовать возможности ускорения социально-экономического развития на базе НТП;
- б) эффективно использовать имеющийся научно-технический потенциал;
- в) НТП должен быть нацелен на радикальное улучшение использования природных ресурсов, сырья, материалов, топлива, энергии на всех стадиях;
- г) максимально использовать резервы на каждом рабочем месте;
- д) осуществлять комплекс научно-технических мер, обеспечиваю-

³ Там же. С. 3.

щих предоставление всем трудоспособным гражданам возможности работать согласно призванию, способностям, образованию, профессиональной подготовке с учетом общественных потребностей.

4. Виды возможности:

- а) потенциал: материальный, производственный, научно-технический и духовный;
- б) ресурсы: природные, финансовые, временные;
- в) резервы — внутренние;
- г) формы и методы реализации возможности: рационально, глубоко, всесторонне, полно, оптимально, эффективно, разумно, бережно, планомерно использовать имеющиеся возможности.

5. К поиску новых возможностей в науке и технике можно отнести следующие глобальные задачи:

- а) разработку методов управления новыми видами энергии;
- б) создание «второй» природы в микро-, макро- и мегамирах;
- в) создание искусственного интеллекта, роботостроения, средств информатики;
- г) возможности человеческого мозга и машины;
- д) возможности Земли, биосферы.

Над всей этой тематикой работает большая группа философов, ученых-естественников и практиков республики (научные руководители — А. Ф. Файзуллаев и М. Н. Абдуллаев). Их усилия направлены на создание теории возможностей в современных условиях с соответствующими обобщениями и внесением практических предложений.

По теме «Вопросы методологии научного познания и социальная практика» (К. И. Иванова, С. Ш. Шермухамедов, Д. М. Бабаев, В. Г. Черник, Ш. Б. Каххарова и др.) ведутся исследования конкретных форм и способов взаимосвязи фундаментального и прикладного знания, механизмов реализации философских принципов и законов в решении проблем управления социальными процессами.

Поставлена задача раскрыть мировоззренческую, методологическую, гносеологическую, социальную и идеологическую функции материалистической диалектики (Ж. Т. Туленов, М. Х. Хасанов, З. Давронов, С. Камилова, М. Джалилов, И. Хакимов и др.).

Таким образом, философы Узбекистана все активнее включаются в разработку проблем диалектического материализма, философских вопросов естествознания, ускорения НТП, диалектики общественного прогресса в условиях ускорения и перестройки.

Д. И. БЕРНШТЕЙН

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С НЕТРУДОВЫМИ ДОХОДАМИ*

В решениях XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС особое место уделено борьбе с любыми негативными явлениями, всемерному укреплению социалистической законности, правовых основ нашего общества, советского образа жизни.

К числу негативных, уродливых явлений, не совместимых с социалистическим образом жизни, принципом социальной справедливости, относятся нетрудовые доходы.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» от 15 мая 1986 г. указывается на необходимость использовать всю силу законов и общественного мнения в борьбе с лицами, живущими не по средствам¹. «Поднять партию и народ на борьбу с этим злом, — призывает постановление ЦК КПСС. — Поста-

* Публикуется в порядке обсуждения.

¹ См.: СП СССР. 1986. № 21. Ст. 119.

вить дело так, чтобы взяточники, казнокрады, мздоимцы, несуны и другие любители наживы за счет общества были окружены всеобщим презрением, знали о неотвратимости наказания за свои деяния». Следует отметить, однако, что успехи в борьбе с нетрудовыми доходами еще очень скромны. Мы не добились пока создания обстановки нетерпимости и остракизма вокруг лиц, живущих не по средствам, не обеспечили на практике неотвратимости ответственности за нетрудовые доходы. Еще нередко встречаются люди, живущие на широкую ногу, афиширующие свою роскошь при скромных официальных заработках.

Одну из существенных причин недостаточности противодействия нетрудовым доходам мы видим в несовершенстве законодательства, недостаточной эффективности применения правовых средств в борьбе с этим злом. В частности, нуждается в совершенствовании законодательство о представлении гражданами деклараций об источниках получения средств. Следует, по нашему мнению, расширить права и обязанности прокуратуры по затребованию и проверке деклараций об источниках доходов, в том числе предоставить ей право, более того — вменить в обязанность — возбуждать уголовные дела по фактам явного, резкого превышения реальных расходов отдельных лиц над их официальными доходами. Это обяжет правоохранительные органы проводить необходимое расследование и выявлять тот механизм противоправных действий, который приводит к незаконному обогащению. Выявление конкретных корыстных преступлений и их исполнителей должно служить основанием для привлечения к ответственности в качестве обвиняемого и направления дела в суд.

Думается, что следует внести коррективы и в законодательство об ответственности за мелкое хищение. Рекомендуемое постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 мая 1986 г. «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами»² применение кратного возмещения материального ущерба в случаях хищений, утраты, порчи и т. п. следует, на наш взгляд, распространить на ответственность за мелкие хищения государственного или общественного имущества, установив ее не в виде штрафа от 20 до 200 руб., как это предусмотрено ныне, а в виде возмещения суммы похищенного в многократном (в 10—30 раз) размере. Действенность кратного возмещения корыстно причиненного ущерба доказана на примере применения кратного штрафа к «зайцам» на городском транспорте, в 60 раз превышающего стоимость проездного билета, что практически ведет к решению проблемы бесплатного проезда.

В рамках одной статьи мы не имеем возможности рассмотреть все вопросы, касающиеся совершенствования законодательства по борьбе с нетрудовыми доходами. Остановимся подробно лишь на одном виде преступления, влекущего нетрудовые доходы, — на взяточничестве.

Взяточничество — это не просто совершенное в корыстных целях правонарушение. Это тяжкое должностное преступление. В докладе на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев назвал взяточничество в числе негативных явлений, с которыми мы сталкиваемся в морально-правственной сфере, и подчеркнул, что важнейшее требование сегодняшнего дня — «высокая нравственность наших кадров, такие человеческие черты, как честность, неподкупность, скромность..., что без укрепления морального здоровья общества нам не удастся решить задачи перестройки».

Борьба со взяточничеством сегодня является одной из важных проблем правовой науки и вызывает большую озабоченность в связи с весьма скромными результатами противодействия взяточничеству, несмотря на крайне суровые меры ответственности, установленные уго-

² Там же.

ловным законодательством. Даже принимая во внимание, что правовая ответственность — не единственное и далеко не самое главное средство борьбы со взяточничеством, следует все же признать, что действующая ныне стратегия применения мер уголовного наказания за это преступление оказалась несостоятельной.

Пришло время разобраться в причинах неэффективности законодательства об уголовной ответственности за взяточничество и найти выход из создавшегося положения. Прежде чем приступить к анализу действующего законодательства о взяточничестве, кратко рассмотрим историю и тенденции уголовно-правовой борьбы с этим явлением, основные критические замечания и наиболее существенные предложения в юридической литературе, касающиеся совершенствования этого законодательства.

В первые годы Советской власти взяточничество носило характер одной из форм классовой борьбы. Посредством взятки буржуазия, нэпманы разлагали еще не окрепший советский государственный аппарат, тормозили социалистическое строительство. Взятка представляла в те годы огромную общественную опасность. В. И. Ленин в записке к Наркому юстиции Д. И. Курскому, написанной 4 мая 1918 г., потребовал подготовить с демонстративной быстротой законопроект о наказании за взятку «не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»³. В вышедшем уже 8 мая 1918 г. декрете СНК РСФСР «О взяточничестве», лично Лениным отредактированном и подписанном, наказание за взяточничество (дача, получение, соучастие) устанавливалось не ниже 5 лет лишения свободы с принудительными работами на тот же срок, т. е. менее жестким, чем первоначально было предложено Лениным. Однако практика тех лет знала наказания и свыше 10 лет, вплоть до расстрела.

Декрет СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» отменил наказание за недоносительство и освободил давшего взятку от наказания, если тот своевременно заявил о вымогательстве взятки или оказал содействие раскрытию дела о взяточничестве. Таким образом, этот декрет значительно сузил круг наказуемых, особенно за дачу взятки.

С 1 июня 1922 г. УК РСФСР четко разграничил ответственность за различные виды взяточничества: за получение, за дачу, за посредничество, за укрывательство. К этому времени Советская власть значительно окрепла, контрреволюция была разгромлена, и законодатель отказался от признания равной общественной опасности как получателя взятки, так и взяткодателя. Ст. 114 УК РСФСР установила наказание за получение взятки без отягчающих обстоятельств до 5 лет, а при отягчающих — вплоть до расстрела. Дача взятки каралась лишением свободы до 3 лет.

В этот период началось наступление на капиталистические, нэпманские элементы в народном хозяйстве и в сфере быта. Нэпманы в ответ активно вступили на путь обхода законов, подкупа должностных лиц. Поэтому декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 9 октября 1922 г. текст ст. 114 УК РСФСР был изменен и введена статья 114^а. Декрет усилил наказание за получение взятки без отягчающих обстоятельств, расширил круг лиц, ответственных за взяточничество, установил строгую ответственность за дачу взятки при отягчающих обстоятельствах. Усиление наказаний политически было оправданно, но не привело к ожидаемому результату: число дел о взяточничестве не уменьшалось⁴.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 70.

⁴ См.: Герцензон А. А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928. С. 26.

Но постепенно, в связи с вытеснением и ликвидацией капиталисти за получение взятки, санкций за дачу взятки и посредничество окало резко сокращаться, что позволило в новом УК РСФСР (1926 г.) смягчить ответственность: было отменено наказание за содействие или непринятие мер противодействия взяточничеству, снижены до 2 лет санкции за получение взятки без отягчающих обстоятельств, а при отягчающих — снижены нижние границы санкций. В 1927 г. была отменена и высшая мера наказания.

В новых уголовных кодексах союзных республик (1959—1961 гг.) была введена бóльшая дифференциация ответственности за взяточничество, несколько уменьшено наказание за дачу взятки. Но эти меры вскоре были признаны недостаточными, и 20 февраля 1962 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», установивший принципиально иную, значительно более суровую ответственность за взяточничество: за получение взятки — от 3 до 10 лет (было до 2 лет), при отягчающих обстоятельствах — от 8 до 15 лет (было от 2 лет), при особо отягчающих — смертная казнь; за дачу взятки — от 3 до 8 лет (было до 5 лет), при отягчающих обстоятельствах — от 7 до 15 лет, при вымогательстве или добровольном заявлении взяткодатель освобождался от ответственности; за посредничество — от 2 до 8 лет (было до 5 лет), при отягчающих обстоятельствах — от 7 до 15 лет (было до 5 лет).

Последние поправки в уголовное законодательство о взяточничестве внесены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 г. «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов». Они коснулись главным образом введения новых отягчающих признаков и установили по ним более высокую ответственность за получение взятки, но вместе с тем в ряде случаев снизили низшие пределы ответственности за этот вид преступления.

Состояние действующего с 1962 г. законодательства о взяточничестве вызывает критику многих ученых-криминологов. Большинство из них считают необходимым снизить высокий уровень наказуемости всех форм и видов взяточничества, отменить смертную казнь за получение взятки при особо отягчающих обстоятельствах. Ряд предложений направлен на усиление дифференциации ответственности за взяточничество. В частности, предлагается за дачу взятки и посредничество установить более мягкое наказание, чем за получение взятки, выделить в отдельный состав мелкое взяточничество, установить новые квалификационные признаки этих преступлений.

Многие из этих предложений справедливы и заслуживают поддержки, но вряд ли можно рассчитывать, что рекомендуемые изменения приведут к существенному повышению эффективности правовой борьбы со взяточничеством. Конечно, одними мерами уголовной ответственности покончить со взяточничеством невозможно. Здесь необходим целый комплекс мер экономического, идеологического и воспитательного характера, рассчитанный на длительный период. Но приостановить рост, существенно сократить этот вид преступления за сравнительно короткий срок можно, на наш взгляд, и правовыми мерами, только отнюдь не «текущим ремонтом», а коренной перестройкой законодательства о взяточничестве, изменением самой стратегии борьбы с ним средствами наказания.

Принципиальная перестройка стратегии правовой борьбы со взяточничеством диктуется неэффективностью предупредительной роли нынешних предельно суровых санкций, значительно, в 2—3 раза, превышающих аналогичные санкции в других социалистических странах. Однако главный порок нынешнего законодательства заключается не в его излишней жесткости (которая, как и всякая чрезмерная жесткость, приносит делу больше вреда, чем пользы), а в установлении фактичес-

ки равной ответственности и для должного лица, взявшего взятку, и для частного лица, давшего ее.

Не подлежит сомнению, что преступные действия должностных лиц, связанные с полученными ими от государства определенными полномочиями, представляют значительно бóльшую социальную опасность, чем причастные к этим действиям поступки рядовых граждан. Отсюда следует и бóльшая степень вины, и большая ответственность должностных лиц. Особенно это касается такого преступления, как взяточничество. Корень зла заключается здесь в моральном и политическом разложении отдельных должностных лиц — взяткополучателей, которые ради корыстных целей обманывают оказанное им государством и народом высокое доверие, подрывают авторитет государственного и общественного аппарата⁵.

В корне неверны бытующие еще представления о взяткодателях как «источниках» взяточничества, неких соблазнительях честных, но неустойчивых должностных лиц. Дескать, «если б не давали, то и не брали бы». В действительности — при отсутствии у отдельных должностных лиц антиобщественной установки поведения, направленности на взятку, терпимого или даже поощрительного к ней отношения — ни взяткодатель, ни посредник не смогли бы вручить взятку. Тем более, что взятки предлагаются и даются, как правило, только тем должностным лицам, которые склонны ко взяточничеству, определенными, но не всегда доказуемыми нюансами своего поведения (например, элементами бюрократизма, волокиты, грубости или излишней услужливости и пр.) наводят «просителя» на необходимость «подмазать», отблагодарить, поощрить то должностное лицо, от которого зависит решение существенных, порой очень важных для обращающегося гражданина вопросов (нередко вовсе не противоречащих закону). Поэтому правильным следует признать другой тезис: «Если б не брали, то и не давали бы».

Таким образом, главная ответственность, главное острие карательной политики должно быть направлено против взяткополучателей. Нынешняя установка закона на практически равную ответственность должностного лица, получившего взятку, и взяткодателя противоречит принципу соразмерности наказания степени общественной опасности и вины, принципу справедливости наказания.

Действовавшие в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.) равные санкции за получение, дачу и все другие формы причастности ко взяточничеству (подстрекательство, пособничество, прикосновенность, покушение) были оправданы тем, что в качестве взяткодателей, посредников и проч. в тот период часто выступали антисоветские, контрреволюционные элементы, прямо или косвенно ставившие цели дезорганизации еще неокрепшего государственного аппарата, ослабления пролетарской власти и реставрации капитализма. Взятничество тогда переплеталось с контрреволюционными преступлениями или переходило в них⁶. В этих условиях была не только оправдана, но и необходима суровая ответственность взяткодателей, равная ответственность за получение взятки.

Совершенно иное положение мы видим в 60-е годы и поныне. Дача взятки и посредничество еще далеко не изжиты, но субъектами этих преступлений являются не антисоветски настроенные элементы, а неосознательные, идейно и морально неустойчивые лица, стремящиеся противоправными средствами, путем подкупа должностных лиц получить незаконные блага или ускорить реализацию своих законных прав.

⁵ См.: Квицения А. К. Взятничество и борьба с ним. Сухуми, 1980. С. 108.

⁶ См.: Кучерявый Н. П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 10.

В этой связи установление суровых, фактически равных ответственности за получение взятки, санкций за дачу взятки и посредничество оказалось нелогичным, нецелесообразным и, как показала практика, неэффективным. Какого-либо значительного сокращения взяточничества в 60—70-е годы не наблюдалось, напротив, в 80-е годы, в связи с усилением деятельности правоохранительных органов, были выявлены весьма серьезные и многочисленные факты взяточничества, совершенные, в частности, и в предыдущие годы. Вместе с тем судебная практика, как отмечают многие исследователи, часто шла по пути снижения наказаний за взяточничество, выходя за низшие пределы санкции⁷ и освобождая взяткодателей от ответственности и в тех случаях, когда они сообщали о даче взятки лишь на допросе⁸. Но было бы совершенно неверно, слишком просто видеть причину неэффективности борьбы со взяточничеством в этом, порой не соответствующем требованию закона снижении наказаний. Дело здесь совсем в другом. Практические работники, которые чаще грешат назначениями излишне строгих мер наказания (по принципу: пусть лучше поправят, чем обвинят в мягкости и попустительстве), здесь чуть ли не единодушно идут на смягчение наказаний потому, что чувствуют чрезмерность высоких санкций, недостаточную нормативную дифференциацию ответственности и пр.

Сейчас, когда партия с новой силой призывает нас смотреть правде в глаза, не преуменьшать наши трудности и недостатки, а смело выявлять их, решительно и упорно преодолевать, мы должны признать, что взяточничество в стране получило совершенно недопустимое распространение. Оно проникло не только в торговлю, сферу бытового обслуживания, здравоохранение и коммунальное хозяйство, но и в промышленность, на транспорт, в сельское хозяйство, часто как вторичные преступления, покрывающие приписки, необоснованное снижение плана, очковтирательство, хищение и т. д. Оно втягивает в свои сети определенный круг должностных лиц министерств и ведомств, иногда и руководящих работников весьма высокого ранга⁹. Беда еще в том, что многие притерпелись к распространению взяточничества как к неизбежному злу, вынужденной необходимости. Об этом с болью пишет В. И. Калининченко, следователь по особо важным делам при Прокуратуре СССР, расследовавший много дел о взяточничестве, в том числе в Узбекистане: «Отношение к взятке на уровне, так сказать, бытового сознания претерпело столь странные метаморфозы, что многими она воспринимается чуть ли ни как вполне естественный, необходимый атрибут для улаживания дел или получения личных преимуществ»¹⁰. Другой работник Прокуратуры СССР, старший следователь по особо важным делам В. И. Олейник, возглавлявший расследование преступлений, совершенных в московской торговой сети, приводил факты поразительной беспринципности работников райкомов, райисполкомов, Главторга, Минторга, контрольных служб и служб БХСС, принимавших как должное из года в год по праздникам бесплатные подношения директора московской плодоовощной конторы¹¹. А ведь эти подношения — не что иное как авансированные замаскированные взятки, подкупы должностных лиц за «особое» отношение, покровительство, по-

⁷ См.: Квициния А. К. Указ. соч. С. 110—111.

⁸ См.: Зубкова В. И. Пути повышения эффективности борьбы со взяточничеством и поборами // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 81; Мдивани В., Михайлова Г., Волженкин В. Применение закона об ответственности за взяточничество // Соц. законность. 1986. № 9. С. 34—35.

⁹ См.: Бутурлин А. В. Перестройка и право // Правда Востока. 1987. 8 февр.

¹⁰ Калининченко В. И. Законная сила закона // Советская культура. 1987. 17 февр.

¹¹ См.: Вокруг прилавка (юридические диалоги) // Известия. 1986. 30 мая.

блажки, за условия для бесконтрольного и безнаказанного совершения махинаций в торговле.

В печати приводилось много фактов взяточничества в различных регионах страны — в Москве, Узбекистане, Молдавии, Краснодарском и Красноярском краях, Ростовской области и др. Они общеизвестны. Но известно и то, что значительная часть преступлений этого рода не выявлена в связи со специфической сложностью обнаружения взяточничества.

Итак, болезнь опасна и широко распространена. Применяемое «лечение» не приносит должного эффекта. Необходимы новые, результативные и, главное, быстродействующие средства.

В. И. Калинин правильно отмечает, что для преодоления взяточничества надо еще многое менять в нашей стране, в психологии, сознании, в практике хозяйственного руководства, что главное здесь — в воспитании нравственной основы сознания человека. «Взятки не берут по убеждению», — заключает он¹². Необходимо, добавим, добиться, чтобы взятки и не давали — по убеждению. Но для того, чтобы достигнуть этого, надо, действительно, решить целый ряд социально-экономических проблем, коренным образом улучшить и усилить воспитательную, идеологическую работу. На это уйдет немало лет. Но наше общество уже сегодня не может, не имеет права мириться с распространённостью взяточничества, с теми масштабами, которые оно приняло. Нужны срочные меры. Необходимо, в частности, найти такие правовые средства и способы борьбы с этим позорным и несовместимым с социализмом явлением, которые сравнительно быстро дали бы значительный эффект и внесли решительный перелом в ход борьбы со взяточничеством. Нам думается, такие средства есть. Надо только осознать их реальность, действенность и решиться на их применение.

Возможность успеха в правовой борьбе со взяточничеством мы видим не в дальнейшем ужесточении ответственности и не просто в усилении дифференциации наказания за отдельные формы и виды этого преступления и снижении общего уровня наказуемости, а в решительном разрыве созданной действующим законодательством цепи круговой поруки, спланивающей всех участников взяточничества.

Уголовное законодательство, установившее с 1962 г. практически равную ответственность за получение, дачу и посредничество во взяточничестве, объединило всех участников этих преступлений в единую группу, связанную узами грозящей ее участникам суровой кары. Между тем по природе своей взятополучатель и взятодатель противопоставят друг другу, они — недруги. Однако с помощью закона мы превращаем их естественную вражду и неприязнь в «кровную» дружбу.

Совершенно неосновательно полагать, что законодательство и сейчас в достаточной степени противопоставляет берушего и дающего взятку, поскольку оно освобождает последнего от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся. Это противопоставление, как правило, не срабатывает, не достигает цели. Оно лишь видимое, формальное, ибо известно и понятно главным образом законодателю и правоохранительным органам. Не случайно действительно добровольных заявлений о даче взятки до того, как правоохранительным органам факт взятки стал известен, чрезвычайно мало по сравнению с количеством фактически совершаемых преступлений. Это обусловлено и недостаточной осведомленностью граждан в вопросах уголовного права, и многими психологическими факторами.

Рядовой гражданин знает, что ответственность за дачу взятки очень велика. Разобраться же в деталях, тонкостях закона, а именно —

¹² Калинин В. И. Указ. статья.

в каких случаях взяткодатель освобождается от ответственности — и тем более с абсолютной уверенностью рассчитывать на это освобождение перед лицом грозящего по общему правилу сурового наказания он не может. Логика взяткодателя, не обладающего глубоким знанием права, приблизительно такова: а) «у меня вымогали, но я мог не дать, а все-таки дал взятку, значит, виноват и буду наказан»; б) «у меня не вымогали, я сам проявил инициативу и дал взятку, я больше всех виноват, а отвечать не буду?» Нет, не пойдет, не осмелится, как правило, пойти в этих условиях человек с добровольным заявлением, если он знает, что за дачу взятки судят, и очень строго. Другое дело, если бы было общеизвестно, что за взятку судят только должностных лиц. Тогда бы число заявлений от давших взятку, по нашему мнению, умножилось, ибо сработал бы гнев на облеченного властью мздоимца, вынудившего дать взятку, польстившегося на нее, сработала бы обида за унижение. Эту естественную неприязнь и должен использовать законодатель для того, чтобы привлечь давшего взятку к разоблачению взяткополучателя — главной фигуры, главного виновника преступления.

Пойти на коренное изменение действующего законодательства нам надо не потому, что взяткодателя не в чем упрекнуть, а потому, что мы запустили борьбу со взяточничеством и теперь нужны неординарные меры, нужно временно, пока не добьемся неуязвимости должностных лиц к подкупу (естественно, не только угрозой разоблачения и наказания), поступиться меньшим — освободить от уголовной ответственности взяткодателя (только от уголовной!) для достижения основной цели — резкого сокращения взяточничества в целом.

Когда потенциальный взяточник будет находиться под постоянной реальной угрозой разоблачения со стороны взяткодателя, который от уголовной ответственности освобожден и потому ничем серьезным в этом плане не рискует, когда таких разоблачений по инициативе взяткодателя станет много, тогда, мы уверены, взяточничество резко пойдет на убыль.

Это изменение стратегии правовой борьбы со взяточничеством предлагается нами не на все времена. После того как в процессе совершенствования социализма, прогрессивной перестройки всех сфер нашей жизни будут улучшены подбор и деятельность должностных лиц, повышено нравственное и идейное воспитание всех трудящихся, их правосознание и правовая культура, когда вследствие этого и применения предложенных правовых санкций взяточничество станет сравнительно редким явлением, — вновь возникнут условия и возможности для усиления ответственности за дачу взятки.

Освобождение взяткодателя от уголовной ответственности вовсе не предполагает, не означает реабилитацию, оправдание взяткодателя, освобождение его от наказания вообще. Дача взятки должна наказываться в административном порядке штрафом и конфискацией взятки или кратной конфискацией суммы взятки (взятки), а также мерами общественного воздействия. Повторная дача взятки (если взяткодатель уже привлекался к административной и общественной ответственности) должна повлечь уголовное наказание в виде значительного штрафа или исправительно-трудовых работ, или лишения свободы до 2—3 лет.

Несколько иначе должен решаться, на наш взгляд, вопрос об ответственности взяткодателей — должностных лиц и их посредников — должностных лиц, если взятка была дана в связи с деятельностью взяткодателя, для получения особых льгот или для облегчения условий совершения злоупотреблений и их сокрытия. Здесь, думается, рамки санкций должны быть весьма широки: от административной ответственности, типа предложенной выше, до разного рода уголовной, но

не более 3 лет лишения свободы. Высшие границы санкций должны назначаться при неоднократной или повторной (после предыдущего наказания) даче либо посредничестве во взятке должностного лица. Такие санкции, на наш взгляд, не будут существенно препятствовать добровольному сообщению о взятке и вместе с тем будут строже, чем ответственность частного лица за аналогичные действия.

Для того, чтобы наглядно отразить в законодательстве принципиально разную оценку государством роли и степени вины во взяточничестве должностных лиц, главным образом взяточполучателей, и недолжностных лиц, причастных к взятке, мы считаем целесообразным вывести в иной раздел состава преступлений, предусматривающие дачу взятки и посредничество во взяточничестве недолжностных лиц, из главы должностных преступлений уголовного кодекса. К ней следует отнести только получение взятки и, как самостоятельные составы преступлений, дачу взятки и посредничество должностных лиц. Это будет в полной мере соответствовать названию главы, а также способствовать противопоставлению различных по своей роли во взяточничестве субъектов преступления и дифференциации их ответственности.

Некоторые изменения должны быть внесены и в норму об освобождении взяткодателя от ответственности в случае его добровольного заявления о случившемся и при вымогательстве взятки. Отметим прежде всего, что в этих случаях лицо, давшее взятку, должно быть освобождено не только от уголовной, но и от административной ответственности, предлагаемой нами за первичную дачу взятки.

Мы считаем целесообразным освобождать от ответственности за дачу взятки и в тех случаях, когда признание последовало после того, как правоохранительным органам стало известно о взятке, на первой же беседе (допросе), и помогло органам следствия разоблачить взяточполучателя. Следственные органы на практике, как мы уже отмечали, так чаще всего и поступают, хотя это и противоречит действующему законодательству. Не будучи вправе одобрить отступающие от требования закона действия правоохранительных органов, мы в то же время не можем присоединиться к авторам, не просто сетующим на отступление от закона, но и обосновывающим правильность самого этого закона¹³.

Нам думается, что практические работники суда и прокуратуры верно оценивают предупредительное значение чистосердечного раскаяния взяткодателя, его явки с повинной, содействие разоблачению взяточполучателя и не без оснований считают нецелесообразным в этих условиях привлечение давшего взятку к уголовной ответственности. Но поправить закон можно только путем его изменения, что и надо сделать. Закон должен быть чрезвычайно гибок в стимулировании взяткодателя к признанию в содеянном и разоблачению главной фигуры взяточничества. В отдельных случаях, при добровольном и своевременном сообщении на допросе о даче взятки и чистосердечном раскаянии, можно даже предусмотреть и возвращение суммы взятки, например, когда имело место вымогательство. Но и при этом дача взятки должна быть предана гласности, осуждению и повлечь ответственность перед общественностью (обсуждение в трудовом коллективе, товарищеском суде и т. п.).

В последнее время в печати в обзорных материалах о взяточничестве стали приводиться критические высказывания отдельных граждан в адрес действующего законодательства о взяточничестве и при этом, что знаменательно, предлагается не традиционное ужесточение уголовной ответственности, а глубоко анализируются причины неэф-

¹³ См.: Зубкова В. И. Указ. статья. С. 82.

фективности этого законодательства и в первую очередь предлагается устранить равную ответственность за получение и дачу взятки, ликвидировать обусловленную ею круговую поруку.

Комментаторы этих материалов, юристы и журналисты с юридическим образованием единодушно отмахиваются от этих предложений, ссылаясь главным образом на неосведомленность граждан в действующем законодательстве¹⁴. Между тем вовсе не каждого гражданина — неспециалиста в области права следует считать неспособным делать конструктивные предложения по совершенствованию законодательства. В жизни встречается немало примеров того, как аналитический ум и жизненный опыт иного неспециалиста, не связанного официальным, традиционным подходом к проблеме, приводят к весьма ценным, вполне научным и важным для дела идеям и предложениям, которые порой и в голову не приходят даже профессиональным ученым. (В науке и технике много тому примеров. Но недавно поразил еще один, из жизни, сейчас уже широко известный по публикациям¹⁵ и документальному фильму «Соло трубы». Диву даешься глубине анализа и предвидения десятиклассника Левы Федотова, довольно точно определившего в своем дневнике 5 июня 1941 г. и срок, и характер нападения фашистской Германии на СССР, и ход военных действий, и судьбу Ленинграда и Одессы, и разгром фашистов под Москвой, и нашу Победу. Вот чего стоит иногда мысль не профессионала, не историка, не ученого). В недрах нашего народа, в среде его широких масс всегда есть истинно государственные умы, к голосу которых следует прислушиваться и профессиональным политикам, и ученым, и юристам.

В постановке новых вопросов и в ответах на них «ни у кого нет монополии на истину,— говорит член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев.— Полезно отрешиться и от снобистского отношения к предложениям неспециалистов. Перестройка вызвала к жизни политический поиск миллионов советских людей. Их видение проблем несет часто подлинно золотые зерна истины, свежесть и оригинальность подходов, то самобытное восприятие мира, которое всегда дарило человечеству неожиданные открытия»¹⁶.

Здесь уместно также вспомнить и слова выдающегося русского революционера-демократа А. И. Герцена, назвавшего «глупым» и «безобразным» закон, одинаково карающий честного человека, который дает деньги чиновнику, и самого чиновника, который берет взятку¹⁷.

Время, в которое мы живем,— время смелой и решительной перестройки во всех сферах нашей жизни, устранения всего того, что препятствует ускорению социально-экономического развития страны. Много надо пересмотреть под этим углом зрения и в праве. И, на наш взгляд, одной из важных задач является перестройка стратегии правовой борьбы со взяточничеством. Думается, что приведенные выше доводы и соображения дают основания для постановки и научного обсуждения этого вопроса.

¹⁴ См., напр.: Феофанов Ю. Ладонь совочком//Известия. 1981. 9 дек.; Ардов В. И в мыслях, и в поступках//Комсомольская правда. 1985. 22 мая.

¹⁵ См.: Трифонов Ю. Как слово наше отзовется. М., 1985. С. 187—189; Кондратьев В. Один из 20 000 000//Лит. газета. 1987. 11 февр.

¹⁶ Коммунист. 1987. № 8. С. 21—22.

¹⁷ Герцен А. И. Соч. Т. 4. М., 1956. С. 276.

К истории национально-освободительного движения народов Узбекистана

М. Г. ВАХАБОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНДИЖАНСКОМ ВОССТАНИИ 1898 ГОДА

В первом номере журнала «Общественные науки в Узбекистане» за 1987 г. за подписью его главного редактора, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупова и заместителя главного редактора, доктора исторических наук Б. В. Лунина опубликована статья под названием «Андижанское восстание. 1898 года в советской исторической литературе».

Статья всецело посвящена опровержению оценки выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г., данной мною в монографии «Формирование узбекской социалистической нации» на неполных двух страницах (200—202) в аспекте его отрицательного влияния на процесс подъема политической активности местных трудящихся и формирования национального самосознания узбекской нации.

Моя монография (на узбекском языке) вышла 30 лет тому назад, а на русском языке — в 1961 г. — с той же оценкой выступления Мадали Ишана, которая стала главным объектом критики в упомянутой статье. Теперь, спустя более 25 лет, журнал сделал эту оценку предметом дискуссии. Между прочим, ответственным редактором моей монографии на русском языке был тот же Б. В. Лунин, ныне выступающий критиком моей оценки выступления Ишана.

Причина появления этой статьи состоит в том, что я в своей статье «Правде истории вопреки», опубликованной 4 декабря 1986 г. в газете «Правда Востока», указал, что и в Академии наук Узбекистана в 60-х годах появились своего рода «удельные властелины».

Прежде чем излагать свои тезисы по этому вопросу, в порядке справки хочу заявить, что я до 60-х годов проблемой события, случившегося в ночь с 17 на 18 мая 1898 г. в Андижане, специально не занимался. При подготовке второго издания «Истории Узбекской ССР» как зав. отделом новой истории Узбекистана (колониальный период) я принимал участие в редактировании второй книги первого тома. Раздел присоединения Средней Азии к России и народных движений редактировал В. Я. Непомнин, вопросы культурного строительства — Т. Н. Кары-Ниязов, а я — вопросы социально-экономической обстановки в колониальный период.

Подготовка этого издания происходила непосредственно после X пленума ЦК КП Узбекистана (1952 г.). Как известно, на этом пленуме были буквально «разгромлены» некоторые историки как объективисты за то, что они объявили выступление Мадали Ишана народным восстанием.

Глава вторая указанного тома, где освещено так называемое Андижанское восстание 1898 г., была написана В. Я. Непомниным. Здесь же было сказано: «Характер и лозунги андижанского восстания свидетельствуют о его глубоко реакционном, антинародном характере, и оценка этого выступления в первом издании II тома «Истории народов Узбекистана» как национально-освободительного и народного движе-

ния является совершенно неправильной и ошибочной» (с. 99). Эта фраза принадлежала не мне, а автору и редактору этого раздела В. Я. Непомнину. Это хорошо знает и заместитель главного редактора журнала «Общественные науки в Узбекистане», доктор исторических наук Б. В. Лунин. Зачем же так многозначительно подчеркивать, что редактором указанного тома был М. Вахабов?! Можно М. Вахабова ругать за то, что он бывшего вице-президента Академии назвал «удельным властелином». Это право авторов статьи, но зачем же путать фактически историю вопроса путем таких «безобидных» построений?

Теперь, почему я эту непререкаемую власть вице-президента связал с оценкой выступления Мадали Ишана? Дело в том, что в связи с завершением своей монографии «Формирование узбекской социалистической нации» я должен был рассмотреть все общественно-политические явления колониального и советского периодов в свете их влияния на процесс ее формирования. Именно в этом аспекте я в 1958—1959 гг. специально изучал и события 90-х годов, в частности выступление Мадали Ишана 17 мая 1898 г. И пришел к выводу, что в 80—90-х годах в Туркестане в результате усиления колониальной политики царизма происходило массовое разорение местных трудящихся и на основе этого начало формироваться освободительное движение не только против колониального гнета, но и против феодально-байской эксплуатации их. Об этом мною было сказано неоднократно: в «Истории Узбекской ССР» (в одном томе), во второй книге I тома «Истории Узбекской ССР» (второе издание), во втором томе «Истории Узбекской ССР» (третье издание), в монографии «Формирование узбекской социалистической нации» и в других работах.

Этот процесс детально освещен во второй главе моей книги «Формирование узбекской социалистической нации» на с. 86—236. В указанной статье два раза подчеркивается, что М. Вахабов, подробно останавливаясь на биографии Мадали Ишана, обходит молчанием положение трудящихся масс и т. д. А на самом деле в моей книге, ставшей главным объектом критики, выступлению Мадали Ишана отведены всего две страницы (200—202). Так мог бы сказать человек, не видевший мою книгу. Но как мог утверждать это Б. В. Лунин, который был ответственным редактором этой книги?! Авторы статьи фактически обвиняют меня в том, что якобы я вообще отрицаю классовую борьбу в 80—90-х годах. И неоднократно повторяют, что классовая борьба была, но она происходила под религиозной оболочкой. Если они в моей книге не увидели классовую борьбу, то или они ее не читали, или идут против истины!

Изучая события 17 мая 1898 г., т. е. выступления Мадали Ишана, я пришел к выводу, что оно не было связано с ростом освободительного движения трудящихся масс Ферганской долины, что необходимо отделить его от освободительного движения. (Подробно об этом в порядке дискуссии скажу ниже). Следовательно, я не разделяю положения первого издания «Истории народов Узбекистана», объявившего события 17 мая 1898 г. общенародным восстанием, расшатавшим устои царизма, и второго издания — из-за выступления Мадали Ишана, сводившего на нет усиление народного движения в 80 и 90-х годах.

В середине 60-х годов Институт истории Академии наук УзССР приступил к подготовке третьего издания «Истории Узбекской ССР». Я, как и во втором издании, был автором главы «О социально-экономических отношениях в Узбекистане в начале XX века» и членом редакционной коллегии тома.

В 1967 г. рукопись тома была подготовлена, и я как член редколлегии получил его макет. Ознакомившись с ним, я увидел, что авторы III главы В. Я. Непомнин и Х. Т. Турсунов, вопреки своей позиции во

втором издании этого тома, совершенно изменили оценку выступления Мадали Ишана, объявив его восстанием народных масс.

По этому поводу, как член редколлегии книги, я обратился к вице-президенту Академии И. Муминову и просил организовать специальное обсуждение этого вопроса. В ответ он мне сказал: «Мы так решили, нечего обсуждать». После этого я со специальным письмом обратился к президенту Академии А. С. Садыкову. Однако ответа на свое письмо не получил. Вскоре мне стало известно, что рукопись сдана в набор, но я не числюсь в составе редколлегии. Книга вышла в свет с оценкой выступления Мадали Ишана как восстания трудящихся не только в Андижане, но и во всей Ферганской долине.

Я был далек от мысли требовать принятия моих тезисов во что бы то ни стало. Но сам факт пересмотра оценки события 17 мая без обсуждения свидетельствует о «мощи», «власти» вице-президента.

Пользуясь тем, что теперь, после почти 30 лет, снят «запрет» в республике на всякую устную и печатную дискуссию по историческим проблемам и в связи с открытием на страницах академического журнала «дискуссии» по проблеме «восстания 1898 г.», позволю себе снова изложить свои тезисы по выступлению Мадали Ишана 17 мая 1898 г., которые хотел я выдвинуть на рассмотрение моих коллег еще более 20 лет тому назад.

Вот мои тезисы:

1. То, что в 80—90-е годы XIX в. в результате усиления колониального гнета и феодально-капиталистической эксплуатации трудящихся масс зарождается и быстрыми темпами развивается освободительное движение местных трудящихся Туркестана, ни у кого ни малейшего сомнения не вызывает. Одна из ценностей третьего издания «Истории Узбекской ССР» состоит в том, что в нем приведены яркие факты о выступлениях трудящихся до мая 1898 г. Однако ни в одном случае не видно, что они имели религиозную оболочку. Они были направлены не только против царских чиновников-русских, но и местных эксплуататорских элементов — в лице аксакалов, мирабов, баев и т. д. Следовательно, в формировании и развитии освободительного движения в этот период религиозные мотивы никакой роли не играли. Это не случайно. Царские правители еще со времен правления Екатерины II по отношению к мусульманским народам не предпринимали попыток религиозного притеснения, ущемления религиозных чувств. Наоборот, они по отношению к мусульманскому духовенству проводили политику заигрывания. Это нужно было для завоевания симпатии правителей мусульманских государств Востока.

Следовательно, освободительное движение трудящихся в этот период развивалось без религиозной оболочки, как социальное движение и против колониального гнета, и против феодально-капиталистической эксплуатации.

2. Движение местных трудящихся в 90-е годы достигло только уровня крестьянских бунтов, еще не поднялось до уровня массовых крестьянских восстаний, имеющих более или менее организованный характер и происходящих на основе определенной программы, т. е. продуманных общих целей.

Попытка преувеличить уровень освободительного движения масс в этот период имела место в третьем издании «Истории Узбекской ССР», а в указанной статье получила яркое выражение. У ее читателей создается впечатление, что якобы в результате выступления Мадали Ишана в ночь на 18 мая и в последующие дни было массовое восстание не только в Фергане, но и по всему Туркестану. Для доказательства этого, кроме официальных донесений колониальной, администрации в Петербург, которые имели предварительный, информа-

ционный характер, приводят «Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии» и даже «Воспоминание» жены генерал-губернатора Туркестанского края Варвары Духовской¹. На основе всего этого авторы фактически утверждают, что выступление Мадали Ишана в мае 1898 г. ознаменовало собою концентрированное выражение восстания трудящихся всего края.

По этому вопросу мой тезис сводится к следующему.

Вплоть до мая 1898 г. происходило постепенное нарастание освободительного движения местных трудящихся. Выступление Мадали Ишана нарушило объективный ход развития этого процесса, дало повод царскому правительству для заглушения народного недовольства на определенный период, которое не «расшатало устои царизма», а послужило причиной ослабления процесса роста освободительного движения.

Для обоснования этого положения рассмотрим деятельность Ишана включительно до ночи 17 мая. Вместе со своими единомышленниками он, начиная с 1895 г., приступил к подготовке газавата для захвата Ферганской долины и восстановления Кокандского ханства в прежних границах. Он был недоволен тем, что были значительно сокращены компетенции казнев, привилегии духовенства — отобрано имущество некоторых категорий вакуфов, якобы началась порча нравов мусульман (имелось в виду прогрессивное влияние передовой культуры русского народа на жизнь и быт мусульман, появление новометодных и русско-туземных школ), ограничение поездок на паломничество в Мекку и т. д. Этим и определялась его программа действий. Как видно, эта программа ничего общего не имеет с целями борьбы народных масс, поднявшихся против царизма и феодально-капиталистической эксплуатации. В духе этой программы широкую пропаганду вели его каландары и мадахи, странствовавшие по городам Туркестана. Их призывы не доходили до трудящихся, кроме его мюридов из числа городских люмпен-пролетариев (в официальных документах — «бездомные»), верхушечных слоев киргизов Алайской долины, лишившихся захваченных ими в прошлом земель и возможности эксплуатировать казахскую и киргизскую бедноту. Несмотря на это он, уверенный в силе лозунга газавата, в чрезмерном фанатизме трудящихся масс, приступил к организации газавата.

Например, осенью 1897 г. он разослал многим «влиятельным» лицам Туркестана письма следующего содержания: «...Ныне наступает конец мира. Широко распространилась всякая мразь и разложение, мир окутан мраком безбожья и все мусульмане оказались под тяжелым гнетом. Устранить эту мразь и безобразия для нас стало «фарзом» — божьим велением. Ибо об этом до Вашего покорного слуги дошел голос «неба», (т. е. пророка). Мы ожидая долго шли до удобного момента. Теперь наступило время, дальше ждать невозможно. Всем мусульманам газават («джихад») стал «фарзом». Не надо упускать возможности. Для освобождения от деспотии русского государства необходимо организовать газават и помогать участникам газавата — это не только необходимо, но «фарз», т. е. божье веление. Поэтому покорно просим Вас 15 шаввала (примерно середина сентября) прибыть в наш дом в Минг-Тепе для обмена мнениями по этому поводу»².

Некоторые его единомышленники, получив такое письмо, уничтожили его, отдельные из них писали ответ Ишану. Например, один из круп-

¹ Между прочим, этот «Протокол» и «Воспоминание» — единственные новые документы, которые авторы ввели в научный оборот. Остальные факты уже давно известны.

² Фазилбек Отабек огли. Восстание Дукчи Ишана. Самарканд—Ташкент, 1927. С. 30—31.

ных баев Андижана Махмуд Алибай направил ответ следующего содержания: «...Да будет известно Вашей светлости, письмо, отправленное Вами, до нас дошло. В ответ осмелюсь заявить, что русский царь — сильный царь. Выступать против него очень трудно. Боюсь, что в результате, оказавшись бессильными, не создадим ли мы еще большие беспорядки. Если начав победим,— хорошо. В противном случае, будет очень плохо. В эти дни все города связаны железной дорогой, подбросить солдат из одного города в другой легко. Мы не имеем права запретить Вам. Однако неплохо было бы всесторонне обдумать и посоветоваться прежде, чем начать дело. Конечно, ни один мусульманин не хочет остаться под властью этого деспота. Так же, как города стали тесными нам — узбекам, горы стали тесными киргизам, а Туркестан стал тесным мусульманам.

Что поделаешь, у нас выхода нет. В наших руках ничего нет. Не имеем ни сил, ни средств. Все же, как бы то ни было, необходимо подумать о судьбах людей»³. Эти письма свидетельствуют об оторванности Ишана от народных масс, об отсутствии связи его с трудящимися.

Несмотря на это, Ишан организовал выступление 17 мая. И по судебным материалам, и по свидетельству того же Фазилбека Отабекова — очевидца этих событий, Ишан планировал в эту ночь захватить город Андижан, уничтожив солдат в крепости, организовать газават против русских, захватить город Фергану, подняв население Маргелана на газават, захватить Наманган, подняв население Оша — тоже на газават. Отряд, посланный в Маргелан под командой Иноятхана Ишана, явился в Маргелан, однако на его вызов на газават никто не поднялся. Поэтому он направился в Андижан для присоединения к Мадали Ишану. По пути напал на агрономический участок в селении Хоканда, захватив агронома Сафония Бычкова, зарезал и, его кровью окрасив платок, поднял его как знамя газавата, а отрубленную голову принес Мадали Ишану.

Отряд, посланный в Ош, тоже не мог поднять население на газават, был разбит силами полиции и распался.

Волостной управитель Куллакской волости Мулла Ганбазар Артык ходжа огли тоже пытался поднять население на газават. Здесь так же никто на вызов не явился, и он направился в Андижан только со своим малочисленным отрядом, по пути он тяжело ранил служащего Дробышева, ехавшего из Кувы в Маргелан, который хотя и спасся, но скончался в больнице.

Подробности похода самого Мадали Ишана всем известны. Поэтому о нем детально говорить не будем. Только заметим, что когда он вышел из Минг-Тепе, в его отряде, как говорят, якобы было примерно 1000 человек, по пути ему удалось поднять очень мало людей. По сообщениям полиции, на крепость напало примерно 2000 человек. Хотя никто не считал, сколько их было, но даже если их было 2000 человек, является ли это важным фактором, когда в этот период население одного только Андижана составляло 48000 человек? Однако из населения Андижана тоже в эту ночь на газават никто не вышел. Окружение крепости и нападение на солдат продолжалось не более 2 часов.

По материалам суда известны и такие факты, когда многие жители кишлаков по пути из Минг-Тепе до Андижана, а их было 29, были подвергнуты избиениям за отказ от участия в газавате. Например, отряды Ишана Карабая Аббасова и Саримсака Шербаева за отказ от участия в походе на Андижан напали на дом Юлдаша Муллы Халматова и его соседей, разграбили их имущество, а их самих избили.

Авторы второго тома «История Узбекской ССР» факт поездки участников выступления Ишана в Маргелан и Ош для подъема насе-

³ Там же. С. 31.

ления на газават оценивают как выступление их населения. Появление разбежавшихся участников выступления в тех или иных кишлаках 18 и 19 мая тоже объявляют выступлением повстанцев. А фактически уже с 18 мая не было ни одного сколько-нибудь значительного выступления. А после бомбардировки кишлака Минг-Тепе на некоторое время вообще прекратились даже отдельные стычки, бунты и налеты крестьянских отрядов.

Конечно, выступление Мадали Ишана с лозунгом газавата, как неожиданное событие, произвело большое впечатление не только на простое русское население, но и на туркестанскую администрацию. Среди населения распространялись различные слухи. Это видно и из газетных сообщений этих дней. После этого события администрация края объявила военное положение не только в Ферганской долине, но и в ряде других уездов и областей.

Исходя из всего этого, мы считаем, что необходимо совершенно отделить выступление Мадали Ишана от освободительного движения трудящихся. Ибо оно с ним ни организационной, ни идейной связи не имело. О нем нужно говорить не как о «религиозной оболочке политического протеста трудящихся», а как о попытке Ишана использовать освободительное движение трудящихся в целях их закабаления снова и как явлении, нанесшем огромный вред нормальному развитию по пути сближения и слияния с революционным движением российского пролетариата. Вот мой тезис по оценке выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г. Только в этом я не согласен с авторами 3-го издания.

Авторы статьи для того, чтобы сделать выступление Мадали Ишана концентрированным выражением, кульминацией развития освободительного движения, превращения его в общенародное восстание, упускают некоторые конкретные факты, которые могли бы помочь правильно оценить события 17 мая 1898 г. При таком, по их мнению, якобы повсеместном выступлении крестьянства, охватившем почти все районы края, царской администрации удалось привлечь к ответственности всего 777 человек, из них по Ферганской долине — 415 человек. Дела остальных 362 арестованных в других областях края не были приобщены к делу участников выступления Ишана. У нас нет фактов, свидетельствующих о том, что они принимали участие в этом событии или выступали под лозунгом газавата. Вероятно, многие из них были те люди, которые, независимо от лозунгов Ишана, находились под надзором полиции.

Кроме того, параллельно с судебным процессом над участниками выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г., 12 и 13 июля того же года шел процесс над крестьянским отрядом Мухаммад Зия Мулла Каримбаева, действовавшим в кишлаках Андижанского и Маргеланского уездов в количестве 32 человек. Отряд был ликвидирован в конце 1897 г. Из подсудимых 30 человек были приговорены к смертной казни и два — к каторге. Позже из 30 человек были казнены только три, а 27 — казнь была заменена каторгой сроком на 20 лет. И эта группа не имела никакой связи с Мадали Ишаном⁴.

Далее, в результате судебного разбора по восьми группам, примкнувшим к выступлению Мадали Ишана, 32 человека были оправданы, как ошибочно арестованные. Из оставшихся 383 человек, привлеченных к суду, 283 были приговорены к смертной казни, 100 человек — к каторге и тюремному заключению на разные сроки (в основном 15—20 лет). Вынеся смертный приговор согласно закону за антигосударственное выступление, суд считал возможным пересмотреть его в сторону смягчения на основе того, что они в силу неграмотности и малокультурности верили Ишану и пошли за ним на газават.

⁴ Туркестанские ведомости. 1898. № 53.

Например, суд, вынося смертный приговор по отношению 46 участников выступлений по II группе, в конце приговора записал: «Вместе с тем суд, определив наказания по всей строгости законов, нашел возможным, что все подсудимые, кроме 11-ти ниже поименованных, заслуживают снисхождения вследствие крайней их неразвитости, а также легкомыслия, которыми пользовался Ишан и вовлек их в преступление, пользуясь тем, что приближенные его распустили слухи о том, что Ишан слышал голос пророка о призыве к газавату и, что... отказ от этого — «грех»⁵. В дальнейшем из 46 приговоренных к смертной казни казнили только 9 (через повешение), а остальным смертная казнь была заменена каторжными работами на разные сроки. Из 48 участников третьей группы приговоренных к смертной казни только 3 были повешены, а «остальные же (45 человек) были признаны вовлеченными в заговор, благодаря своей неразвитости и легкомыслию»⁶.

Все 106 участников выступления IV группы, приговоренные к смерти, по той же причине были отправлены на каторгу. Приговор о смертной казни всех 77 подсудимых по V, VI, VII, VIII группам тоже был заменен каторжными работами на разные сроки.

Таким образом, из 283 приговоренных к смертной казни были повешены 18 человек, а остальные 265 человек и еще 100 сразу приговоренных к каторге были отправлены на каторжные работы на разные сроки: 179 человек — на 20 лет, 37 — на 15 лет, 149 — менее чем на 15 лет (многие из них с каторги не вернулись). И каторжные работы явились очень тяжелым наказанием.

Эти факты говорят о том, что основную массу участников выступления составляли те люди, которые группировались вокруг Ишана как его мюриды, а не те крестьяне и ремесленники, которые до 17 мая и после выступали во всех районах Туркестана против колониального гнета и феодальной, капиталистической эксплуатации — без всякой религиозной оболочки. На наш взгляд, этот реальный факт не менее важен, чем «Протокол кружка любителей археологий» и воспоминания госпожи Варвары Духовской.

Что касается «свидетельства военного прокурора, генерал-майора Долинского о составе участников восстания 1898 г.», то оно правильно, никто не считает, что в эту ночь выступали одни ишаны, муллы и крупные феодалы. Ибо они знали, кто такой Ишан, и не верили в его «чудеса». Об этом свидетельствует ответ Махмуда Алибая из Андижана на письмо Ишана, приведенный выше.

Всем известно также осуждение Мадали Ишана такими передовыми представителями узбекской демократической интеллигенции, как Мукими, Фуркат, Завки и др., как авантюриста. Это тоже не менее важно, чем воспоминания генеральши Варвары Духовской.

Теперь о лозунге газавата, возведенном в религиозную оболочку политического протеста крестьянских масс.

Прежде всего мы считаем, что газават (джихад) не может быть религиозной оболочкой политического протеста трудящихся. Он являлся мусульманским народам. Вот некоторые положения Корана об отношении мусульман к немусульманским народам: «Верующие не должны брать ется реализацией основных положений Корана по отношению к неверным и будь жесток к ним»; «Когда встретитесь с неверными (в бою), то отсекайте с них головы дотоле, покуда не сделаете совершенного им поражения» и т. д. Имея в виду такие положения Корана, К. Маркс в статье «К истории возникновения восточного вопроса» писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство

⁵ Там же. № 50.

⁶ Там же. № 54.

сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»⁷.

Таковы положения Корана по отношению к немусульманским народам. Поэтому в «шариате» (своде законов ислама) газават отнесен в раздел «О государственном праве». Все мусульмане обязаны участвовать в газавате как лично, так и материальной поддержкой государству. С этой целью введен особый государственный налог «закят» — для проведения главным образом газавата. Следовательно, газават — не оборонительная, а агрессивная, грабительская война. К. Маркс в указанной выше статье писал: «В этом смысле пиратские корабли берберских государств были священным флотом ислама» (имеются в виду государства, существовавшие в Северной Африке в средние века). Газават — не только грабительская война, но и война за физическое уничтожение немусульманских народов. Объявление газавата «религиозной оболочкой политического протеста равносильно объявлению «крестовых походов» «религиозной оболочкой политических протестов трудящихся». В газавате отрубить голову немусульманину считалось не только воинским подвигом, но и исполнением своего долга перед богом (фарзом).

Несмотря на это, авторы статьи проявляют большое упорство в стремлении доказать, что лозунг газавата Мадали Ишана — религиозная оболочка политического протеста трудящихся масс Туркестана против колониального гнета царизма. С этой целью они три раза цитируют труды Ф. Энгельса и восемь раз — труды В. И. Ленина. При цитировании трудов классиков марксизма-ленинизма авторы зачастую допускают произвольное толкование их высказываний, а иногда выбирают часть фразы, подчиняя ее своим тезисам.

Вот конкретные примеры. Правильно констатируя, что «некоторые аспекты истории освободительного движения в Среднеазиатском регионе до сих пор не получили своего точного и бесспорного истолкования», авторы дальше пишут: «Наглядный пример тому — Андижанское восстание 1898 г., обратившее на себя внимание В. И. Ленина...» (указ. журнал, с. 18). Здесь явно протупает попытка авторов утверждать, что Ленин якобы положительно оценил это событие. Рассмотрим высказывание В. И. Ленина. Он пишет: «Книга посвящена только Туркестану, — его истории, колонизации (между прочим Андижанское восстание 1898 года; автор предостерегает и впредь)...

Развитие культуры, хлопка, железных дорог etc. etc. Много указаний литературы... Точка зрения, кажись, казенная»⁸. Здесь В. И. Ленин оценивает не восстание 1898 г., а точку зрения автора книги «Борьба цивилизации и языков в Центральной Азии» П. Кузнецова, которую он изучал. Как известно, В. И. Ленин по крупицам собирал материалы о выступлениях против колониальной политики царизма и использовал их в своих работах для разоблачения самодержавия. Если он считал бы это выступление Ишана революционно-освободительным, то непременно использовал бы его в своих работах. Трудно предполагать симпатию В. И. Ленина к такому выступлению с лозунгом газавата, когда он всегда предостерегал от опасности панисламизма в России. Это видно даже из его выписки из книги Отто Гётча «Русский Туркестан», включенной в этот же 28 том Полного собрания сочинений (с. 513—516), где он неоднократно подчеркивает опасность панисламизма в России, в особенности в Туркестане.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 167.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 191.

Для того, чтобы подкрепить тезис о том, что проявление политического протеста трудящихся крестьян под религиозной оболочкой якобы является общей закономерностью классовой борьбы в период феодализма, авторы статьи пишут: «Классиками марксизма-ленинизма четко и ясно показана закономерность религиозной окраски стихийных крестьянских выступлений не только в средние века, но и в более поздние времена». Эту свою мысль они пытаются подтвердить следующими высказываниями Ф. Энгельса: «Если эта классовая борьба протекала тогда [в средние века] под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»⁹. И далее: «В XIII—XVIII вв.,— пишут они,— религиозную окраску принимали, как правило, все исторические движения. Эта окраска «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека... но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»¹⁰, ибо «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹¹.

Для того, чтобы доказать, что якобы выступление Мадали Ишана было религиозной оболочкой политического протеста трудящихся Туркестана против колониальной политики царизма, авторы, цитируя часть фразы В. И. Ленина из его статьи «Проект программы нашей партии», пишут: «И Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития...» И уж,— говорят они,— конечно, оно было свойственно и не могло быть не свойственным дехканским массам Ферганы конца XIX в. Напомним, что спустя более чем 20 лет, уже в первые годы Советской власти (1919 г.), В. И. Ленин вынужден был констатировать, что народы Средней Азии еще «всецело в подчинении у своих мулл»...»

Из всего этого вытекают следующие выводы:

1. Религиозная окраска стихийных крестьянских выступлений является общей закономерностью не только средних веков, но и более позднего времени (?!).

2. Она объясняется не субъективными, религиозными потребностями людей, а условиями средних веков, т. е. тем, что тогда идеология состояла только из религии и теологии.

3. В результате этого «чувства масс были вскормлены только религиозной пищей».

4. Поэтому для того, чтобы поднять массы на активную борьбу, «необходимо было их интересы представлять в религиозной одежде».

5. Эта «религиозная одежда» классовой борьбы была присуща всем крестьянам, в том числе и крестьянам Ферганской долины в конце XIX в.

6. Это констатировал и В. И. Ленин даже в 1919 г., после победы Октябрьской революции.

Если верить этому «теоретическому» положению, то позволительно спросить у его авторов, почему крупные крестьянские войны в России под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева не имели религиозной одежды? Ведь они тоже происходили в период средневековья, тогда и в России тоже единственной идеологией была религия и теология. Как согласуется это «теоретическое» положение с фактом резкого отмежевания местных трудящихся в ли-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 360.

¹⁰ Там же. Соч. Т. 21. С. 294.

¹¹ Там же. С. 314.

це «Советов местных трудящихся» от организации «Шурои Ислам» и общества «Улема» после Февральской революции и кровавого столкновения между ними осенью 1917 г.— во время выборов в городские думы в Самарканде и Коканде? Как согласовать высказывания В. И. Ленина, которого цитируют авторы статьи, с его же высказыванием на II Конгрессе Коминтерна о том, что опыт русских коммунистов в Туркестане показал, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»¹².

Все эти реальные исторические факты не вписываются в «теоретические» положения авторов статьи.

На наш взгляд, они не учли того, что выступление «политического протеста трудящихся в период феодализма под религиозной оболочкой» не является, как они утверждают, общей закономерностью. Слова о том, что «в средние века чувства масс были вскормлены только религиозной пищей», взятые ими из труда Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», были сказаны им не как причина выступления классовой борьбы крестьян в религиозной оболочке, а совершенно по другому поводу.

Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», как известно, не ставил перед собой задачу обосновать «выступления политического протеста крестьян в религиозной оболочке» как общую закономерность крестьянского движения, а раскрыл причины кризиса немецкой классической философии, а также показал объективные и субъективные условия зарождения марксистской философии. Критикуя Л. Фейербаха, утверждавшего, что «периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии», Ф. Энгельс пишет, что «даже в сфере распространения христианства революции, имевшие действительно универсальное значение, принимают эту окраску (т. е. религиозную.— М. В.) лишь на первых ступенях борьбы буржуазии за свое освобождение, от XIII до XVII веков включительно. И это объясняется не свойствами человеческого сердца, и не религиозной потребностью человека, как думает Фейербах, но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию. Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы создать свою собственную идеологию, соответствующую ее классовому положению, она совершила свою великую и законченную революцию — французскую, апеллируя исключительно к юридическим и политическим идеям и думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя преграждала ей дорогу»¹³. Продолжая эту же мысль далее, он писал: «Насильственные меры Людовика XIV только облегчили французской буржуазии возможность осуществить свою революцию в нерелигиозной, исключительно политической форме...»¹⁴ (подчеркнуто нами.— М. В.). На с. 314 Ф. Энгельс говорит не об обязательном выступлении крестьянского движения «в религиозной одежде», как трактуют это место авторы статьи, а о причинах того, почему немецкая буржуазия вынуждена была революционные движения одевать «в религиозную одежду». Чтобы понять подлинный смысл положения Ф. Энгельса и вольность, допущенную авторами статьи в его толковании, мы позволим себе более полно процитировать и это место его труда. Ф. Энгельс писал: «...А когда окрепло бюргерство (немецкая буржуазия,— М. В.), в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь... Средние века присоединили к теологии и превратили

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 244.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 294.

¹⁴ Там же. С. 315.

в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять (бюргерством.— М. В.) им (т. е. массам.— М. В.) в религиозной одежде»¹⁵.

Даже без особых комментариев видно, что здесь Ф. Энгельс не объявляет выступления крестьянства в «религиозной одежде» всеобщей закономерностью исторического развития. Речь идет о попытке немецкой буржуазии использовать то обстоятельство, что в средних веках все формы идеологии: философия, политика, право и другие — были превращены в подразделения теологии, в силу этого она пыталась использовать религиозное недовольство народных масс против католической церкви, в борьбе против феодализма. Вот о чем говорил Ф. Энгельс на страницах своего труда, разоблачая идеализм Фейербаха в объяснении общественных явлений. Разве можно так вольно использовать основополагающие высказывания его, приспособляя их к своим тезисам о правомерности газавата?!

Причина выступления политического протеста крестьян под религиозной оболочкой самим Ф. Энгельсом четко была показана в той же его работе «Крестьянская война в Германии». Она состояла в том, что в средние века католическое духовенство распалось на две части: аристократическую и плебейскую. «Аристократический класс,— говорил Ф. Энгельс,— составляла духовная феодальная иерархия: епископы, архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. ...Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали так же бесстыдно». Далее, подробно показывая их действия, Ф. Энгельс писал: «Привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их армии монахов вызывала зависть дворянства и негодование народа, который должен был все это оплачивать, и это негодование становилось тем сильнее, чем больше бросалось в глаза кричащее противоречие между образом жизни этих прелатов и их проповедями»¹⁶. Далее Ф. Энгельс указывает, что из Германии в Рим ежегодно текли огромные суммы денег, и возрастание в результате этого гнета усиливало ненависть к римским папам. Против их гнета поднялись все классы и слои германского общества, имеющие разнообразные и противоречивые интересы, а основной и движущей силой были крестьяне. Всех их объединяло требование возвращения к первоначальному христианству, восстановление «Священного писания» (Библии), вместо действующих «Священных преданий» (решений католических церковных соборов, суждений римских католических пап и т. д.). Это требование, как известно, легло в основу «реформаторства» и формирования «протестантства». В этом основную роль играла плебейская часть духовенства, состоявшая из местных городских и сельских священников. «Из их рядов,— указывает Ф. Энгельс,— выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте»¹⁷.

Таким образом, причина выступления в Европе политического протеста трудящихся в религиозной оболочке была в том, что верхушка римской католической церкви превратилась во всемогущий феодальный слой, сам феодальный гнет переплетался с религиозным гнетом и, в силу этого, сама феодальная эксплуатация облачалась в религиоз-

¹⁵ Там же. С. 314.

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 351 (подчеркнуто нами.— М. В.).

¹⁷ Там же. С. 352.

ную одежду. Следовательно, политический протест трудящихся принимал религиозные черты в ответ на феодальный гнет, выступавший в религиозной оболочке. Значит, там, где феодальный гнет выступал открыто, политический протест трудящихся против него тоже выступал открыто — без всякой религиозной оболочки. А в истории таких выступлений трудящихся было немало. Например, в условиях Узбекистана восстания трудящихся Ташкента против бухарского эмира Имам Кули-хана в 1613 г. и против кокандского хана в 1847—1850 гг., восстание киргизов Алайской долины и трудящихся Кокандского ханства в 1872—1875 гг. не имели религиозной оболочки, не говоря уже в целом о восстании 1916 г.

Авторы статьи, пытаясь одеть политический протест трудящихся в религиозную одежду, представляя это как общую закономерность, неправильно интерпретируют высказывания В. И. Ленина в статье «Проект программы нашей партии». Как известно, В. И. Ленин в этой статье, возражая против тех, кто объявлял русских крестьян религиозными, не способными к политической борьбе, поставил вопрос — «способно ли хоть отчасти наше крестьянство на революционную борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?», и ответил: «...Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков..., известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве... против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению»¹⁸. Как видно, В. И. Ленин, давая всестороннюю характеристику крестьянскому движению, подчеркивает, что «выступление политического протеста крестьян под религиозной оболочкой» происходит не всегда, а на определенных этапах и условиях его развития, и что это присуще не только русскому крестьянству, но и всем народам на определенном этапе их развития. Здесь важны два момента: первый — религиозность — не единственная черта крестьянского движения, второй — она обусловлена конкретными условиями развития, а не есть постоянно действующий фактор. Авторы статьи из этого высказывания В. И. Ленина выбрали только одну часть «религиозности» и преподнесли ее как общую закономерность.

Такую же неправильную интерпретацию они допустили по отношению высказывания В. И. Ленина против Бухарина на VIII съезде партии. Как видно из процитированного выше нами высказывания авторов статьи, якобы спустя более 20 лет после событий 17 мая 1898 г., уже в первые годы Советской власти (1919 г.), В. И. Ленин вынужден был констатировать, что народы Средней Азии находились еще «всцело в подчинении у своих мулл». Читая эту выдержку, думаешь, как будто бы В. И. Ленин вел спор с кем-то о степени религиозности народов Средней Азии и вынужден был констатировать, что пока они всецело в подчинении у своих мулл.

А на самом деле, всем известно, что спор шел не о степени религиозности трудящихся Туркестана. Спор шел о необходимости включения во вторую Программу партии лозунга «право наций на самоопре-

¹⁸ Ленин В. И. Полн., собр. соч. Т. 4. С. 228 (подчеркнуто нами.— М. В.).

деление». Против этого выступали Бухарин и его единомышленники, требуя включить в Программу «право трудящихся на самоопределение». Ленин выступал против Бухарина на том основании, что не во всех еще нациях трудящиеся классы дифференцировались от «своих» эксплуататорских элементов, притом не только по уровню своего духовно-культурного развития, но и многим другим моментам. Он говорил о слабости дифференциации германских рабочих от германской буржуазии, финских рабочих от финской буржуазии, а также польских рабочих от польской буржуазии. Говоря о таких народах бывшей Российской империи, как башкиры и народы Средней Азии, находящихся на стадии перехода от докапиталистических отношений к капиталистической стадии, он отметил и значительное влияние религии ислама на них. При этих условиях, говорил он, мы не можем объявить «самоопределения трудящихся» вместо «самоопределения наций». Это использовали бы все враги большевизма. Имея в виду это, Ленин говорил: «Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-демократы не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыхах внести в Берлин»¹⁹.

Как видно, здесь речь шла не о степени религиозности народов Средней Азии, якобы служившей основой для правомерности газавата в ходе выступления Мадали Ишана 17 мая 1898 г., а о степени политической дифференциации внутри разных наций и народностей, на которую в определенной степени влиял и уровень духовно-культурного и экономического развития. Хотя духовно-культурное и экономическое развитие народов Средней Азии было значительно слабее, но это не мешало им воспринять идеи Советов и благодаря Октябрьской революции вступить на путь социалистического развития без всякой религиозной оболочки. Газават, правомерность которого авторы пытаются обосновать и высказыванием В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б), по поводу национальной программы партии, является не результатом низкого культурного, экономического и политического уровня масс и слабости их дифференциации, а следствием фанатизма, выработанного в сознании людей под воздействием человеконенавистнической пропаганды различных ишанов, пиров (духовных наставников). Не все люди с низким духовно-культурным уровнем были фанатиками, и среди фанатиков было немало людей из просвещенных сословий. Таким образом, попытка использовать высказывание В. И. Ленина на VIII съезде партии по поводу выступления Бухарина и его сторонников против «права наций на самоопределение» для обоснования революционности выступлений Мадали Ишана 17 мая 1898 г. с лозунгом газавата по меньшей мере является извращением действительности. Если даже после Октябрьской революции трудящиеся массы находились под религиозной оболочкой, выражением которой в Туркестане был газават, то как совершилась сама революция? Не послужит ли это подтверждением клеветнического измышления белоэмигрантов о том, что якобы революция была экспортирована в Туркестан русскими большевиками?!

Наконец, не могу не сказать несколько слов и по поводу того абзаца в статье, где говорится, что я свою статью в газете «Правда Востока» написал под впечатлением решений III пленума ЦК КП Узбекистана и якобы «одним росчерком собственного пера» вынес «приговор, не подлежащий обжалованию», в адрес всех историков, позволявших себе высказать иную точку зрения на восстание 1898 г. и т. д. (с. 30). Да, не скрываю, что я с большим воодушевлением воспринял решения III пленума. Ибо такого пленума я ждал более 20 лет, так

¹⁹ Там же. Т. 38. С. 160.

как после долгого перерыва III пленум открыл дорогу для принципиальной партийной критики имеющихся недостатков в области идеологической и воспитательной работы, квалифицировав их как «серьезный провал». То, что я ждал возможности высказать свое мнение по поводу событий 17 мая 1898 г., объявленного в середине 60-х годов обширным восстанием, охватившим всю Ферганскую долину, видно из истории этого же вопроса, изложенной мною выше. Когда в 1954 г. было подготовлено второе издание «Истории Узбекской ССР», «Проспект» его был обсужден на обширном заседании историков республики, на котором с докладом выступал автор и редактор первой главы этого тома В. Я. Непомнин. Плохо ли, хорошо ли, но здесь пересмотр оценки выступления Мадали Ишана подвергся широкому обсуждению. А при подготовке третьего издания пересмотр этого же вопроса не подвергался не только обсуждению среди широкого круга историков республики, но даже на узком заседании членов редколлегии. А мое письмо по этому вопросу осталось без ответа (об этом было сказано выше). Следовательно, кто одним росчерком пера вынес приговор, не подлежащий обжалованию,— я или руководители Академии наук еще в середине 60-х годов?

Если бы не состоялся III пленум, наверняка, я, как и во все прошлые годы, не имел бы возможности выступить в печати со своей статьей, которая теперь вынудила руководство Академии открыть дискуссию по «восстанию 1898 года», хотя по духу статьи видно желание заглушить возможных противников своих тезисов обилием цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма вместо приведения фактически материалов о реальных событиях в ночь на 18 мая. Но и это неплохо. Дискуссия, как бы то ни было, лучше, чем застой в общественных науках, о котором с большой тревогой говорилось и на XXVII съезде КПСС, и на XXI съезде Компартии Узбекистана, на многих партийных пленумах, прошедших в последние годы. Она, возможно, изменит мнение отдельных руководителей гуманитарных учреждений Академии наук о том, что якобы критика недостатков прошлого как «мелочь» отвлекает от задач перестройки и поэтому не стоит тратить время на это²⁰.

На наш взгляд, все же следовало бы более глубоко, критически пересмотреть состояние дел в гуманитарных институтах Академии и очистить их от тех наслоений, которые накопились за прошедшие годы, в частности и в оценке выступления Мадали Ишана. Это было бы созвучно высказыванию Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о том, что «критика прошлого, будучи важным моментом развития, дает возможность извлечь уроки и выводы для сегодняшнего и завтрашнего дня, помогает конструктивной работе по верному выбору средств и путей продвижения вперед»²¹.

* * *

От редколлегии. Полностью публикуя в дискуссионном порядке текст статьи М. Г. Вахабова (его ответ на статью Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина в № 1 журнала за 1987 г.), редколлегия, естественно не предпринимает вопроса, кто из названных авторов прав в своих суждениях о сущности событий 1898 г. Это — дело предстоящей в Институте истории АН УзССР общей научной дискуссии по вопросам истории национально-освободительных движений в Средней Азии XIX — начала XX в. Редколлегия надеется, что обе статьи (а возможно, и отклики других авторов) будут реально полезны для участников намечаемой дискуссии.

²⁰ См.: Гулистан. 1987. № 1. С. 4.

²¹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 года. М., 1987. С. 15.

Вместе с тем редколлегия считает своим долгом констатировать, что статья проф. М. Г. Вахабова оказалась, к сожалению, не свободной от моментов сугубо личного характера, от неточного и даже предвзятого изложения некоторых взглядов и позиций его оппонентов, попыток переводить научный спор в плоскость неких взаимных «обвинений» (слова М. Г. Вахабова). Едва ли также материалам к творческим, деловым и принципиальным дискуссиям по отдельным, конкретным вопросам исторической науки должны сопутствовать окрики, грубые выпады и далеко идущие призывы к «глубокому и критическому пересмотру состояния дел в гуманитарных институтах Академии и очищению их от тех наслоений, которые накопились за прошедшие годы» и т. п. Все это — наносное, привходящее, без чего статья уважаемого М. Г. Вахабова только выиграла бы в своей доказательной части. Как говорил М. С. Горбачев на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов, нет «никакой драмы в полемике, в сопоставлении точек зрения. Это нормально», а потому даже «самые острые вопросы надо обсуждать, уважая друг друга». Об этом говорилось и в статье «Культура дискуссий», опубликованной в газете «Правда» 3 июля 1987 г.

Х. З. ЗИЯЕВ

О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ АНДИЖАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1898 ГОДА

В первом номере журнала «Общественные науки в Узбекистане» за 1987 г. опубликована историографическая статья Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина об Андижанском восстании 1898 г. Я также хочу высказать свое мнение по данному вопросу. Я полностью разделяю их оценку характера и социальной сущности такого сложного и специфического (в конкретных условиях дореволюционной Средней Азии) явления, каким было это восстание. Авторы вполне справедливо считают неправомерным и отвергают явно преувеличенное отнесение некоторыми исследователями восстания 1898 г. к числу событий «большого революционного значения». Надо, очевидно, согласиться и с их выводом, что Андижанское восстание относилось «к числу стихийных и разрозненных (антиколониальных) выступлений крестьянства, не озаренных (говоря ленинскими словами) светом политического сознания» (с. 29 статьи).

Согласен я также с доводами авторов, что при оценке событий 1898 г. безусловно нельзя сводить дело только к личности религиозно-фанатика-мракобеса, носителя идеологии газавата Мадали-ишана, как это имеет место в статье М. Г. Вахабова, опубликованной в газете «Правда Востока».

Прежде всего напомним, что еще в 1966 г. в связи с переизданием «Истории Узбекской ССР» состоялось совещание историков по поводу характера Андижанского восстания 1898 г. с участием представителей некоторых среднеазиатских республик.

На этом совещании, проходившем под руководством акад. АН УзССР Я. Г. Гулямова, основной докладчик Х. Т. Турсунов говорил, что восстание 1898 г. рассматривалось в I томе «Истории народов Узбекистана» (1947) как национально-освободительное, прогрессивное движение, но это положение коренным образом изменилось после появления статьи Багирова «О реакционной сущности движения горцев под водительством Шамиля». Все историки, говорил докладчик, находясь в плену у «магической» статьи Багирова, оценивали подобные восстания как реакционные, подстрекаемые якобы иностранными агентами. Подытоживая свое выступление, Х. Т. Турсунов отмечал: «В ре-

зультате неумения конкретно исторически подойти к данному вопросу, в результате непонимания необходимости пересмотреть с методологической правильной, марксистской позиции исторические документы наши историки на совещании¹ (1950 г.) и в оценке событий 1898 года допустили очень серьезные ошибки. Вызывает удивление и недоумение то обстоятельство, что в работах наших историков, там, где речь идет об Андижанском восстании, вся освободительная борьба угнетенных народных масс передается на откуп Дукчи Ишана (Мадали Ишана)².

Как ни странно, после всего этого именно под таким углом зрения рассматривается характер Андижанского восстания в новейшей статье М. Г. Вахабова. Автор пишет: «Как новоявленные царьки и баи, как своего рода «удельные властелины», наделенные беспрекословным правом оценки тех или иных исторических событий, вели себя некоторые ученые. По их непререкаемому велению, вопреки историческим фактам, авантюрное выступление отъявленного мракобеса Мадали Ишана в Андижане 1898 г. с реакционным лозунгом «газават» против всех русских было объявлено кульминацией народного антифеодального и антиколониального движения трудящихся Туркестанского края»³.

М. Г. Вахабов не остановился перед оскорбительным выпадом в адрес своих коллег по перу, что противоречит научной этике советского ученого. Вызывает недоумение и его властное требование об осуществлении в гуманитарных институтах АН УзССР «очистительной работы». Что касается его оценки Андижанского восстания, то она отнюдь не является новой для научной общественности. Так, только под углом зрения «газавата» рассматривали восстание прежде всего представители Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант Н. И. Корольков в своем отчете сводил восстание к религиозному лозунгу «газават», «фанатическому возбуждению туземного населения» и действиям Мадали-ишана⁴.

Начальник Маргеланского уезда А. И. Бряннов в своем донесении также писал, что в основе восстания лежал религиозный фанатизм, «которым, несомненно, заражено все население»⁵. Подобные характеристики были даны восстанию и в периодической печати того времени. Этим власти стремились затушевать истинные причины восстания, направленного против колониальной политики царизма.

Были, однако, хотя и единичные, авторы, которые стремились трезво оценить причины восстания. Так, в 1908 г., в связи с 10-летием восстания, на страницах журнала «Исторический вестник» (1908, май) была опубликована статья С. Т. (по словам Н. С. Лыкошина, «видного туркестанского деятеля, знающего Фергану не по наслышкам»). Автор статьи отрицает доминирующее положение «мусульманского фанатизма» в восстании. «Официальное следствие, произведенное с целью раскрытия истинной причины восстания 1898 г., — писал он, — выяснило, что эта причина заключалась почти исключительно в фанатизме мусульман, имеющем в своем основании религиозную нетерпимость к своим повелителям-кафирам. В официальных делах посему андижанская резня ставилась в исключительную зависимость от появления ишана, его всеобщей популярности, намекалось на участие в этом деле турецкого султана и афганского эмира, но далее этого не

¹ Совещание было созвано в связи с выходом указанной статьи Багирова.

² Из стенограммы совещания от 22 сентября 1966 г.

³ Правда Востока. 1986. 4 дек.

⁴ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 31137, л. 37. (Здесь и далее архивные материалы почерпнуты из сборника документов о восстании 1898 г., подготовленного к печати сотрудниками Отдела новой истории Узбекистана Института истории АН УзССР).

⁵ Там же, ф. И-1, оп. 32, д. 182а, л. 288 об.; ф. И-17, оп. 1, д. 31137, л. 49 об.

ило. Власти, выяснявшие причины этого эпизода, по упущению или умышленно, совсем искажали возможность того, что недовольство вообще проявляется лишь там, где для этого есть благоприятствующие катастрофе внутренние обстоятельства. Участие в андижанском восстании эмиссаров мусульманских государств можно считать недоказанным, а религиозная нетерпимость мусульман к русским в данном случае являлась скорее всего средством, но не целью»⁶.

Как видим, автор при определении сущности восстания намекает на социально-экономические и политические условия, сложившиеся в то время в крае. Вместе с тем он правильно считает, что религиозный лозунг был только ширмой для повстанцев. «У мусульман,— пишет он,— при выражениях протеста неизменно фигурировало зеленое знамя пророка, покрывавшее все истинные причины событий. Таким образом, фанатизм является лишь маской, т. к. другой великой, побуждающей к протесту, силы, кроме религии, в народе не было. Следовательно, фанатизм был побочной причиной, за которой следовало искать других — истинных причин недовольства мусульман»⁷.

Автор считает одной из главных причин восстания отстранение представителей коренного населения от управления краем. По его словам, Положение 1886 г. об управлении краем «изъяло из участия в управлении краем туземный элемент, передав это дело исключительно в русские руки»⁸. Вместе с тем он считает, что упадок нравственности (пьянство, азартные игры и т. п.) и непригодность личного состава администрации вызвали недовольство у коренного населения.

Хотя автор не смог глубже развить правильные мысли о восстании в силу своей классовой ограниченности, тем не менее его трактовка имеет определенное значение в правильном определении социальной сущности сложного по своему характеру Андижанского восстания и является одним из аргументов, показывающих несостоятельность концепции М. Г. Вахабова. Хотя он призывает в своей статье изучать вопросы, касающиеся общественных наук, с классовых позиций, но тут же, при конкретном рассмотрении вопроса восстания 1898 г., обходит это важное положение марксизма-ленинизма. При оценке восстания дело сводится им к главенствующему участию в нем Мадали-ишана и сущность восстания воспринимается сквозь призму взглядов ишана. Это ведет к объективистскому решению вопроса о восстании 1898 г., а объективист, писал В. И. Ленин, «всегда рискует сбиться на точку зрения апологета... фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения»⁹.

Хорошо известно, что царизм осуществлял в Туркестанском крае жесточайшую колониальную, антинациональную политику, что вело, с одной стороны, к лишению или ограничению прав и привилегий представителей местной знати, а с другой (и это главное), — к еще большему ухудшению и без того тяжелого положения трудящихся масс.

Вследствие этого борьба против царизма в определенном плане становится общей задачей как для оппозиционных групп местной знати, так и для угнетенных масс. Поскольку господствующей идеологией того времени была религия, то лозунг «газавата» придавал этой борьбе религиозную окраску, что, однако, ни в коей мере не сглаживает социальных противоречий и классовой борьбы в лагере восставших. Здесь каждая социальная группа под общим лозунгом «газават» боролась за свои классовые интересы.

Следует заметить, что подавляющее большинство авторов, вплот-

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1: С. 418.

ную занимавшихся изучением истории восстания, считали его прогрессивным народным движением. Этой точки зрения держались и участники упомянутого выше совещания 1966 г.— историки К. Ф. Касымбеков, В. Я. Непомнин, К. У. Усенбаев, А. Хасанов и др.

Э. Ю. Юсупов и Б. В. Лукин в своей статье охарактеризовали Андижанское восстание 1898 г. как антиколониальное движение. На наш взгляд, они излишне осторожно и не совсем справедливо отодвинули антифеодальную направленность этого движения на второй план. Так, они пишут: «Что касается антифеодального характера восстания, то о нем, думается, можно говорить в меньшей степени, косвенно, ограниченно, учитывая, что оно оказалось под определяющим воздействием самих феодальных (феодально-клерикальных) кругов, и прямолинейное, «лобовое» объявление его антифеодальным, как таковым, было бы, возможно, неоправданным» (с. 29).

Известно, что царизм осуществлял свою колониальную политику на почве сохранения в крае феодальных и феодально-патриархальных отношений. Армия служила при этом решающей опорой и силой колониальных властей, чем объясняется нападение повстанцев прежде всего на андижанский гарнизон. В данном случае антиколониальное выступление угнетенных масс сливалось и переплеталось с антифеодальной борьбой, что неотделимо друг от друга. Но повстанцы не смогли довести свою борьбу до ожидаемых результатов в силу своей отсталости, неорганизованности, отсутствия определенной программы, локального и стихийного характера восстания. Они не знали, какое именно новое общественное устройство сможет удовлетворить их интересы. Тем не менее сам факт вооруженного выступления масс и их схватки с правительственными войсками явился активной формой классовой борьбы.

Следует заметить, что особенность Андижанского восстания заключалась и в том, что оно как бы подытоживало все менее значительные выступления угнетенных масс предшествующих лет (которые требуют особого исследования).

Напомним, что именно в 80—90-х годах XIX в. в Ферганской области появилась фабрично-заводская промышленность капиталистического типа, возник отряд рабочих, состоявший из русских, узбеков и представителей других коренных национальностей. По данным 1893 г., в Ферганской области (с более чем миллионным населением) действовали 3163 фабрики, завода и кустарных заведения, в их числе 52 хлопкоочистительных завода. Получили значительное развитие внутренняя и внешняя торговля. Достаточно отметить, что в 1893 г. торговый оборот только Андижанского уезда составил по привозу 2873 тыс. и по вывозу — 4501 тыс. руб.¹⁰

Во всех этих сдвигах важную роль сыграл прежде всего рост хлопководства, которое не только способствовало развитию городской жизни, но и приносило огромные доходы колониальным властям, капиталистам и местным баям.

Вместе с тем в самих кишлаках были налицо непримиримые противоречия между дехканами и баями, которые, сбывая сельскохозяйственную продукцию в город, получали большие доходы. В их числе особое место занимали так называемые «чистачи», являвшиеся «колоритной фигурой на фоне хлопковой торговли и скупки». Они получали деньги от фирм и раздавали их дехканам. Чистач был «мастером своего дела, он умел хорошо обсчитывать, обмеривать своих односельчан и клиентов, умел очень скоро умножать свои богатства...»¹¹

¹⁰ Федоров А. П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898. С. 140.

¹¹ Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926. С. 112.

Торгово-кредитный аппарат, состоявший из фирм, чистачей и торговых агентов, широко развернув свою деятельность, беспощадно грабил дехкан-хлопкоробов. Предоставляемый дехканам кредит под будущий урожай выдавался на крайне тяжелых условиях, что приводило в конечном счете к разорению массы мелких производителей.

Процедура взимания долгов с дехкан носила жестокие, унижительные формы. «Некоторые дельцы творили неслыханные насилия. Иногда забирали должника, бросали его в собственный сарай, как в тюрьму, дожидаясь выкупа или уплаты долгов каким-нибудь родственником. Телесные наказания, даже расправы с должниками — факты неоднократные и известные в каждом хлопковом сезоне... Местные дельцы иногда доходили до того, что продавали жен неоплатных должников. И наконец, безнадежные должники предавались в руки адвокатов. Все поездки и расходы последних насчитывались на дехканина, так как векселя находились в руках... хлопковых фирм»¹².

Усиливался и налоговый гнет. В 1896 г. только в Андижанском, Маргеланском и Ташкентском уездах было собрано 1 649 507 руб. поземельного налога и 697 133 руб. оброчной подати. Кроме того, в Ферганской области хараджную подать взимали в размере 1/5 части урожая, а не 1/10, как это было в других местах края¹³.

Сбор податей, налогов, таможенных пошлин отдавался на откуп волостным баям за большую мзду. Скупщики брали с населения намного больше того, что сами вносили в казну¹⁴. Тяжелым бременем ложились на дехкан произвол и насилия представителей местной администрации, которые не только содержались за счет населения, но и выколачивали из него суммы, затраченные на период «избрания» их на должность.

Таким образом, трудящиеся массы находились под двойным гнетом как колониальных властей, капиталистов, так и местных баев. Интересы и действия эксплуататоров всех мастей сливались и переплетались друг с другом.

Подобное положение складывалось и в среде кочевого населения Ферганской долины. Так, киргизы были обложены непомерными налогами и податями. В 1882 г. кибиточный сбор был увеличен с 2 руб. 75 коп. до 4 руб.¹⁵ Однако фактически взималась гораздо большая сумма. Налог взыскивался независимо от материального положения плательщика. Кроме того, киргизы обязаны были отбывать разного рода натуральные повинности: дорожную, исправление арыков, мостов, предоставление перевозочных средств и топлива для воинских частей¹⁶.

Вследствие всего сказанного в Ферганской области непрерывно росло число безземельных дехкан. По данным 1893 г., из-за малоземелья только из Маргеланского уезда до 30 тыс. человек ежегодно уходили в Сырдарьинскую область и Семиречье в поисках работы¹⁷. В Маргеланском уезде из 13 913 безземельных дехкан 8698 (62,3%) были чайрикерами, а 3619 (25,9%) — мардикерами. В общей же сложности число безземельных крестьян в Ферганской области доходило до 60%¹⁸.

В тяжелом положении находились и ремесленники-кустари, которые, работая от зари до зари, зарабатывали очень мало, однако были

¹² Там же. С. 124.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1973. С. 17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Федоров А. П. Указ. соч. С. 147.

¹⁸ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 72.

обложены высокими налогами и податями. Растущий ввоз промышленных товаров наносил им значительный урон. Отдельные ремесла: ткачество, гончарное, ковровое дело, изготовление медных и бронзовых изделий — не выдерживали конкуренции с промышленными товарами, и многие ремесленники разорялись. Все это не могло не вызывать острого недовольства кустарей.

В Ферганской области, как и в других районах края, повсеместными явлениями были вымогательство, взяточничество, произвол и насилие представителей колониальных властей и местной администрации.

Все это вело к обострению социальных противоречий, росту недовольства масс колониальными и феодальными порядками. И характерно, что в обвинительном акте военного прокурора Эд. Бауэра на основании показаний одного из участников восстания 1898 г. говорится, что именно «бедные и темные люди» были участниками восстания, возглавленного Мадали-ишаном¹⁹.

О характере восстания, на наш взгляд, свидетельствует и численность его участников — от одной до двух тысяч человек²⁰. Однако круг восставших не ограничивается этой цифрой, так как волнения назревали по всей территории Ферганской долины и за ее пределами. Не случайно туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской в рапорте военному министру предложил наложить в качестве наказания контрибуцию на все население Ферганской области в сумме 1 млн. руб. (но император «снизил» ее до 300 тыс. руб.²¹, чтобы не обострять недовольства народных масс).

Попутчиков же восстания — отдельных представителей духовенства и местной знати — насчитывалось всего до 20 человек во главе с Мадали-ишаном.

Одним из намерений оппозиционной группы была попытка воспользоваться авторитетом и поддержкой турецкого султана, на имя которого было послано письмо, составленное при непосредственном участии Мадали-ишана²². Однако эта попытка, по всей вероятности, не увенчалась успехом. Поэтому оппозиционная группа представила Мадали-ишану фиктивные грамоту и подарки от турецкого султана, но тот был уверен (или сделал вид, что уверен?) в подлинности их²³ по своей неграмотности. Отсутствие связей оппозиционной группы с Турцией подтверждают следующие данные. В 1898 г. газета «Русский инвалид» писала, что некий Ходжа Абдужалил, прибыв из Кашгара в Андижан, передал Мадали-ишану «грамоту и халат, будто бы присланные турецким султаном», однако подлинность ее «еще не удостоверена следствием»²⁴. 14 июня 1898 г. начальник штаба Туркестанского военного округа Н. Белявский сообщал военному губернатору: «Насколько выяснено, послания турецкого султана не было»²⁵. В 1908 г. упомянутый выше анонимный автор С. Т. писал: «Участие в Андижанском восстании эмиссаров мусульманских государств можно считать не доказанным»²⁶.

Характерно и отношение массы восставших к русскому населению. Так, в зоне восстания проживали 9 русских семейств, имевших «постоянно столкновение с местным населением и владеющих прекрасно

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 11, л. 8.

²⁰ Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 31137, л. 33; д. 19, л. 65; д. 13, л. 2.

²¹ Русский инвалид. 1896. № 27. Между прочим, Духовской отмечал, что повстанцы «имели сторонников почти во всех уездах Ферганской области» (см.: Туркестанский сборник. Т. 427. С. 52).

²² ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 18, л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Русский инвалид. 1898. № 27.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 5579, л. 109. (Это сообщение было основано на показаниях подозрительных лиц, задержанных в Пржевальске).

²⁶ Исторический вестник. 1908. № 5.

языком»²⁷. Они нисколько не пострадали. В г. Андижане вместе с более чем 47-тысячным коренным населением проживало русских — 631 человек²⁸. И хотя здесь формировался большой отряд повстанцев, русские жители не подверглись нападению с их стороны.

Попытки отдельных, наиболее реакционных элементов придать восстанию антирусский характер не получили поддержки со стороны основной массы участников восстания. Между прочим, и в судебных приговорах им вменялись в вину действия, направленные не против русских вообще, а на свержение власти России в крае и с этой целью нападение на военный гарнизон г. Андижана. Возьмем хотя бы обвинение военного прокурора Долинского в отношении самого Мадалишана. В нем говорится: «Задумав ниспровергнуть русское владычество в крае (подчеркнуто нами.— Х. З.), он для достижения этой цели согласил население многих волостей и городов края восстать вооруженною рукою...»²⁹ Подобного рода обвинения были предъявлены и другим участникам восстания.

Таким образом, утверждение М. Г. Вахабова, якобы восстание было направлено «против всех русских», также является если не прямым искажением исторической действительности, то во всяком случае явным преувеличением. Не имеет под собой почвы и его тезис о связи повстанцев с Турцией.

Все известные нам факты говорят о том, что восстание 1898 г., несмотря на его религиозную окраску, было народным движением, которое вместе с другими выступлениями угнетенных масс расшатывало устой колониально-феодалных порядков в дореволюционном Узбекистане.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 32, д. 189а, л. 287.

²⁸ Русский инвалид. 1898. № 217.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 13, л. 13.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТУРМУШИМИЗ МЕЗОНИ — ҲУШЁРЛИК

Партия ўз фаолиятида асосий диққат-эътиборини ўзида ахлоқий поклик, маънавий бойлик ва жисмоний мукамалликни мужассамлаштирган, ҳар томонлама камол топган, ижтимоий жиҳатдан фаол шахсни шакллантиришга қаратмоқда.

ҚПСС Марказий Комитетининг «Ичкиликбозлик ва алкоголизмни баргараф этиш тадбирлари тўғрисида»ги қарорида ҳар бир инсон учун, бутун жамият учун фавқуллодда хавfli, социал жиҳатдан ниҳоятда зарарли иллатга қарши курашнинг самарали тадбирлари белгилаб берилди.

Социализм ичкиликбозликнинг социал-синфий, сиёсий илдизларини таг-томири билан тугатди. Лекин уни туғдирувчи конкрет тарихий шароитнинг қийинчиликлари, унинг эндиятчилиги, социал муносабатларнинг етарли даражада ривожланмаганлиги каби баъзи шарт-шароитлар сақланиб қолган. Демак, ичкиликбозлик ижтимоий ҳаётнинг маълум шароитлари билан боғлиқдир. Бундай ҳулоса, ичкиликбозлик ва алкоголизм баргараф этиб бўлмайдиган ҳодиса, деган нотўғри фикрга олиб келмаслиги керак. Социализм шароитида жамият ривожланиш қонуниятларини билган ҳолда, уларни инсон манфаатига бўйсундириш, ижтимоий ҳаётни онгли бошқариш мумкин бўлади. Социалистик жамият ижтимоий ҳаёт қийинчиликларини, ижтимоий тараққиёт келтириб чиқараётган баъзи салбий оқибатларни баргараф этишнинг кенг имкониятларига эга. Вазифа ана шу имкониятлардан — тўлиқ фойдалана билишдир.

В. И. Ленин ҳар қандай иллатни тарқатувчи конкрет шахсларга қарши амалий, шафқатсиз, чинакам революцион кураш олиб бориш, омман конрет мисоллар асосида тарбиялаш соҳасидаги ишнинг муваффақиятини ҳал қилади, деб таълим берган эди. Доҳийнинг ана шу тавсияларига амал қилиш ичкиликбозликка қарши курашнинг самарали бўлишини кўп жиҳатдан таъминлайди.

Фан-техника революцияси, урбанизация жараёни жамият тараққиётини жадаллаштиришда муҳим омил бўлди. Совет кишилари ҳаётининг турмуш даражаси ошди, инсоннинг ҳар томонлама камол топиши учун кенг имкониятлар вужудга келди.

Ақлий меҳнат ролининг ошиши, транспорт хизмати, турли маънавий хизматларнинг ривожланиши жисмоний меҳнатнинг, умуман киши ҳаракатининг кескин қисқаришига олиб келди. Айни вақтда ҳар бир кишининг физкультура ва спорт билан мунтазам шуғулланиши ҳаётини заруратга айланиб бормоқда. Бироқ, афсуски жамиятимизда физкультура ва спорт ҳар бир киши ҳаёт тарзининг таркибий қисмига айлангани йўқ. Жисмоний меҳнат билан шуғулланмаслик, айниқса, ақлий меҳнат кишиларининг соғлиқларига катта зарар келтирмоқда.

Совет кишиларининг бўш вақтлари кўпайди, бу эса — кўпчиликнинг фойдали иш билан шуғулланиши, билимини ошириши, қизиққан машғулоти билан машғул бўлиши, дам олиши ва яна талай ижобий шароитлар яратишга имкон туғдирди.

Халқимизнинг моддий турмуш даражаси ҳам яхшиланди, пул даромадлари ўсди. Маданий даражаси яхши ўсмаган баъзи кишилар мана шундай имкониятлардан унумли фойдаланиш ўрнига, бўш вақтларни улфатчилик қилиб кайф-сафо билан ўтказаётганлиги ачинарли ҳолдир. Бошқача айтганда, моддий турмуш тарзи яхшилانган, пул даромадлари кўпайган, аммо маданий жиҳатдан қолақ бўлган айрим кишилар даромадларини моддий ва маданий турмуш даражаларини янада яхшилашга эмас, балки онла аъзолари учун ҳам, жамият учун ҳам мутлақо зарар бўлган турли ичкиликбозлик ва алкоголизм йўлига сарф этмоқдалар.

Партия ва ҳукуматимизнинг ичкиликбозлик ва алкоголизмга қарши кураш борасида қабул қилган қарорларида таъкидланганидек, кейинги вақтларда алкоголизмга қарши курашда жиддий камчиликларга йўл қўйилганлиги алоҳида таъкидлаб ўтилди. Жумладан, бу курашда нотўғри йўл тутилиб, меъёрига ёки кам миқдорда ичкилик ичиш мумкинлиги тўғрисидаги қарашлар маъқулланди. Оқибатда ичкиликбозлик борасида ноқулай психологик муҳит вужудга келди. Киши психологиясини, одатларини ўзгартириш эса ғоят қийин ва узоқ вақтни талаб қиладиган ишдир.

Сўнгги йилларда тўйларда, турли маросимларда кўп миқдорда алкоғолли ичимликлар истеъмол қилинди. Тўйлар, йиғинларнинг яхши ёки ёмон ўтганлиги истеъмол

қилинган спиртли ичимликларнинг миқдорига қараб баҳоланди. Ачинарли томони шундаки, катталар билан бир даврада ўтирган ёшлар ҳам алкоғолли ичимликларни истеъмол қила бошладилар. Тўйлар, йиғинлар ичкиликбозликнинг ўзига хос кўрувига айланиб қолган эди.

Спиртли ичимликларни истеъмол қилиш меҳмон кутишининг, туғилган кун, турли байрамни нишонлашнинг зарур шартига айланиб қолди. Меҳмонни тўйгунча ароқ билан сўйлаш унга юқори даражада ҳурмат кўрсатишининг ифодаси сифатида тушунилди. Ичкилик, хурсандчилик қилишнинг асосий воситасига айланиб қолган эди-ки, бунга республикамизнинг истаган шаҳару қишлоғидан мисол топиш мумкин эди. Шу муносабат билан ҳозирги кунда ҳам республикамизда ичкиликбозлик ва алкоғолизмга қарши кураш сусти олиб борилаётганлигини афсус билан таъкидлашга тўғри келади. Курашга ҳақиқий оммавийлик тусини бериши лозим бўлган, уни мувофиқлаштирган ҳолда, кенг миқёсда олиб борилишига кўмаклашувчи ҳушёрлик учун кураш кўнгилли жамият бошланғич ташкилотлари кўпгина аҳоли турар жойларида ҳали тузилгани йўқ. 1986 йил 1 январга қадар республикамизда мавжуд бўлган 15825 маҳалла, уй квартал комитетларидан фақат 808 тасида (5,1%)гина жамиятнинг бошланғич ташкилотлари тузилганлигини нима билан изоҳлаш мумкин?!

Энг ачинарлиси шундаки, ишлаб чиқаришдан деярли суриб чиқарилган, жамоат жойларида сезиларли даражада камайиб қолган ичкиликбозлик ҳозирги кунда оилага ўтди. Ичкиликбозлик асосан турмуш соҳасига, оилалар, ётоқхоналарга кўчганини ҳисобга олиб, маданиятсизликка ва турмушдаги ҳамда меҳмондўстлик формасидаги ҳар хил ортнқчалликларга қарши курашда муросасиз бўлиш керак. Бунда социализмнинг маънавий қадриятларига, жамоатчилик кучига таяниш, одамларга гоъвий таъсир ўтказишнинг барча формаларидан, соғлом турмуш тарзига — коллектив кафолати ҳаракатидан фойдаланиш мақсадга мувофиқ бўлади.

КПСС Марказий Комитети партия комитетлари, бошланғич партия ташкилотлари олдига ҳушёрлик учун кураш Бутуниттифоқ кўпгина ташкилотлари ишини йўлга қўйишга бутун чоралар билан кўмаклашиш, уларнинг фаолиятида соғлом турмуш тарзини қарор топтириш, алкоғолизмга қарши ишонтирарли, далил-исботли пропагандини авж олдиришни муҳим вазифа қилиб қўйди.

Ичкиликбозлик ва алкоғолизмни бартараф этиш зўр сиёсий аҳамиятга молик вазифа, қайта қуришнинг, жамиятимиз маънавий муҳитини социалистик тузумга ёт барча иллатлардан пок қилиш ишнинг таркибий қисмидир.

Н. Д. Одилов

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ «ҚУҚАНД» И «ХУЖАНД»

Топонимика Средней Азии, как и любого другого региона страны, носит определенный отпечаток истории, ибо в течение многих веков территория ее была ареной сложных исторических событий, оставивших заметный след и в топонимике края. Неоднократные переселения разноязычных народов и племен обусловили многослойность географических названий, возникших в этом регионе в разные периоды истории. Выделение из них наиболее древних пластов и изучение их дают много ценного для истории, этнографии и географии края. Историко-лингвистическими и историко-географическими методами можно установить историю возникновения и формирования географических названий, их структуру, лексику, этимологию.

Один из древних пластов топонимики Средней Азии составляют названия городов с топонимическими суффиксами «кат», «кад», «кент», «канд», «жанд» (Паркат, Пскад, Заркат, Ташкент, Панджикент, Бешкент, Самарканд, Қўқанд, Вабканд, Пайканд, Хўжанд и др.). Нет сомнений в том, что наиболее древние из этих топоформантов — «кат» и «кад». В письменных источниках IX—X вв. мы находим большое количество названий городов и селений, сложенных с суффиксами «кат» и «кад». Такие названия, как отмечал В. В. Бартольд, не встречающиеся в южных районах Средней Азии, в частности в бассейне р. Мургаб, были характерны главным образом для долины Зарафшана и бассейна Сырдарьи, особенно района Ангрена и Чирчика, т. е. для Ташкентского оазиса¹.

Арабский географ Истахри дает для области Илака, т. е. древнеземледельческой зоны Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 — с топонимическим суффиксом «кат»; для области Чача, т. е. долины р. Чирчик, — 27 названий, из них 14 — с суффиксом «кат»².

Топоформанты «кат», «ката», как и родственные им «кент», восходящие к согдийскому «кат» («када», «кеде»), с древнейших времен входят в огромное количество топонимов современного Узбекистана и Северо-Западного Таджикистана, в районах былого распространения согдийского языка, впоследствии вымершего.

Следует отметить, что двухкомпонентные топонимы «Қўқанд», как и «Хўжанд», относятся к той группе древнего пласта географических названий, начальная форма

¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 210.

² Истахри. *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*//BGA. V. I./Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1870. P. 328—332.

которых сильно изменилась на протяжении многих веков, и потому они трудно под-
вергаются как лингвистическому, так и этимологическому исследованию; их этимоло-
логия всегда вызывала дискуссию.

В обоих топонимах словообразовательными аффиксами служат компоненты «қў» и «хў», а субстратами — «қанд» и «жанд». По мнению таджикского ученого Р. Х. Додихудоева, специально изучившего астионим «Хужанд» в связи с 2500-летним г. Ходжента (Ленинабада), наибольшие трудности вызывают установление и толкование первого компонента³.

В письменных источниках X в. «Қўқанд» — один из древних левобережных городов Ферганской долины — встречается в форме «Хўқанд», «Хўқанд», «Хувақанд» и «Хувоқанд»⁴. Бабур называл его — «Хукон»⁵. Другой древний город на левобережье Сырдарьи описывается в форме «Хужанд» и «Хужанда». Если учесть законы чередования отдельных букв как в первом, так и во втором компоненте, то оба компонента этих двух географических названий восходят к единой исходной форме, состоявшей из словообразовательного аффикса «ху» («хва») и субстрата «канд» («канда»).

По мнению Л. Г. Герценберга, исследовавшего морфологическую структуру слов в древних индоиранских языках, слово «Хвап»-//«Хваг»-«солнце» выступает как топоформант; возможно, этот же элемент — первая часть в слове «Ходжент». Далее он рассматривает вероятные пути развития трех древнеиранских композитов в современном «Хужанд»: 1) Xvang yā kanva — «солнце-город»; 2) Xva—kanda > Xvaganda; 3) Xvarjand//Xurjand, Xvanjand//Xunjand⁶. Из этих трех композитов Р. Х. Додихудоев считает второй наиболее правомерным, на основе чего связывает топоформант «Хучанд» с древнеиранским сложным словом хва+kanta, где первый компонент имеет значение «солнце», «солнечный», а второй связан с корнем «kan» («копать», «насыпать»), что впоследствии дало Xvagand и, в свою очередь, перешло в Хужанд⁷.

На наш взгляд, топоним «Хужанд», как и «Қўқанд», связан не с древнеиранским сложным словом «Хваkanta», а с согдийским «хи»+«kanta», где первый компонент восходит к согдийскому субстрату «ху». Он встречается и в форме «хуш», «хаш», означающей «хороший», «приятный», «красивый», «нежный». В средневековых письменных источниках в реестре географических названий Зарафшанской долины перечисляется ряд населенных пунктов с аффиксами «ху» и «хуш»: Хумитан, Хушмитан, Ардахушмитан, Рахушмитан, Хушминджакат, Хушуфагн, Хушурта и др.⁸

В современных узбекском и таджикском языках этот согдийский субстрат сохранился как словообразовательный аффикс в форме «хуш», с помощью которого обычно образуются прилагательные, как, например: «хушбуй» — приятный (запах); «хушбахт» — счастливый; «хушхабар» — приятная новость; «хушвакт» — веселый и т. п.⁹

Что касается топоосновы «Қўқанда» и «Хужанда» — «канд» и «жанд» — и ее синонимов — «кент», «кат», «ката», «кад», восходящих к самостоятельным согдийским словам: кат, ката, кеде («дом», «усадыба»), то она сохраняется как лексема и в современных таджикском и узбекском языках и их говорах. Например: кат — «деревянный помост, на котором сидят и спят», «деревянная кровать»; катак — «курытник», «дровяник»; катхудо — «хозяин, староста»; кадбону — «хозяйка» и т. п. Наряду с употреблением суффикса «кент» в составе топонимов, «кент» выступает и как самостоятельное слово. Для современных тюркских языков оно приводится в словарях как устаревшее слово в значении «город», «селение», «власть». В этом значении оно употреблялось в Средней Азии перед революцией и в первые послеоктябрьские годы. По мнению А. З. Розенфельда, это слово, согдийское по происхождению, в древности было заимствовано в других иранских и тюркских языках и, по всей вероятности, через тюркские вошло в таджикский язык¹⁰.

Таким образом, топонимы «Қўқон» и «Хужанд» образовались из сочетания двух сложных топоформантов «ху» и «канта», впоследствии утративших свою первоначальную форму и значение. Мы склонны считать, что первоначальные топоформанты топонимов «Қўқанда» и «Хужанда» восходят к единому композиту — Хуканта,

³ Додихудоев Р. Х. Этимология астионима Ленинобад (Хучанд)//Известия Таджикской ССР: Серия востоковедение, история, филология. 1986. № 2. С. 29.

⁴ Истахри. С. 335, 347; Ибн Хаукаль. *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim ibn Haukal*//BGA. V. II/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873. P. 395, 399; Макдиси. *Descriptio imperii moslemici auctore Schamsoddin Abu Abdollah Mohammad ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Baschhari al-Mekaddasi*//BGA. V. III/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877. P. 272.

⁵ Бобир Захириддин Мухаммад. Бобирнома. Тошкент, 1960. С. 81, 161.

⁶ Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних иранских языках. Л., 1972. С. 51—52.

⁷ Додихудоев Р. Х. Указ. статья. С. 27—29.

⁸ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 186, 196, 203, 204, 211.

⁹ Толковый словарь узбекского языка: В двух томах. Т. 2. М., 1981. С. 342—345.

¹⁰ Розенфельд А. З. Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии//Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 65.

который следует толковать не как «Солнечный город» или «Солнце-город» (по утверждениям Л. Г. Герценберга¹¹ и Р. Х. Додихудоева¹²), а как «Приятный город, Город-красавец».

В средневековых письменных источниках эти города, особенно Хужанд, описываются как красивейшие города Мавераннахра. По данным арабских географов, Хужанд был единственным большим городом на левом берегу Сырдарьи и в IX—X вв. состоял из собственно города (мадина — шахристан), цитадели (кухандиз) и предместья (рабад). Дворец правителя располагался на площади в рабаде, тюрьма — в кухандизе, а соборная мечеть — в мадине. Город, занимавший по прямой линии свыше одного фарсаха (6—8 км), был густо заселен и застроен, на его окраине было много виноградников и садов. По обилию и качеству фруктов он превосходил другие области. Посредине города протекал канал. Город был очень красив и отличался хорошим, здоровым климатом. Ибн Хаукаль отмечает, что Хужанд «по красоте своей одинок среди областей»¹³. А Макдиси пишет: «Хужанда — город услады, нет на этой стороне более приятного [города], чем он, посреди его течет река и гора смежна с ним... хвалят его мудрецы и поэты»¹⁴.

Благодаря своей изящности и красоте природы Хужанд получил эпитет «Тирози Жахон»¹⁵, т. е. «Украшение мира, Узор мира».

По народному преданию, город Қўқанд был основан ходжентцами на берегу одного из дельтовых русел горной речки Сохсая. В честь Хўжанда новый город был назван Хўқандом. Это его древнее название перешло впоследствии в Қўқанд.

Следует отметить, что историческая наука до сих пор не располагает ни археологическими, ни письменными данными о времени возникновения города Хуканд. На территории Коканда еще не проводились никакие археологические работы. Современный же город Коканд возник в начале XVIII в. «на месте селения Хоканд, существовавшего здесь в средние века»¹⁶.

В средние века город Хуканд получает эпитет «Латиф» — «изящный». Вполне возможно, что этот эпитет город получил от арабоязычных толкователей топонима Хуканд (подобно тому, как, например, р. Зарафшан, называемая в древности местным населением «Намик», была переименована греками в «Политимет»). Любопытно, что эпитет «латиф», т. е. арабское толкование согдийского «Хуканд», в сочетании с основным названием города широко применялся до конца XIX в. На монетах последних правителей Кокандского ханства выбивалась надпись: «чекан изящного Куканда».

Итак, топонимы Қўқанд и Хужанд были связаны с согдийским сложным словом «Хуканта», где первый компонент имеет значение «приятный, изящный, хороший, красивый», а второй связан со словом «канта» — «город».

Следовательно, Қўқанд и Хужанд, как одноименные города Средней Азии, можно толковать как «Изящный город», «Город-красавец», что и подкреплялось эпитетами «Хуканди латиф» («Изящный Коканд») и «Тирози Жахон» («Украшение мира»).

А. Р. Мухамеджанов

¹¹ Герценберг Л. Г. Указ. соч. С. 52.

¹² Додихудоев Р. Х. Указ. статья. С. 31.

¹³ Ибн Хаукаль. С. 391—392.

¹⁴ Макдиси. С. 272.

¹⁵ Эпитет «Тирози Жахон» у Н. Н. Нигматова переведен как «Невесты Мира». См.: Нигматов Н. Н. Ходжент: Основные этапы истории//Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 9.

¹⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 276.

НОВЫЕ КНИГИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «БАБУР-НАМЕ» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В Париже в 1985 г. вышло в свет второе издание «Бабур-наме» в переводе на французский язык¹. Ее первое французское издание под названием «Книга Бабура» было осуществлено в 1980 г. в собрании трудов ЮНЕСКО в серии «Центральная Азия». Перевод с тюркско-чагатайского языка осуществлен французским востоковедом Жаном Луи Бакке-Граммом. Этот перевод был разбит на три части: Мавераннахр, Афганистан, Индия, — предисловия к которым написали доктор ист. наук С. А. Азмиджанова (Узбекистан), Абдулхай Хабиби (Афганистан) и проф. Мухиб-бул Хасан (Индия). Как свидетельствует Ж. Л. Бакке-Граммон, «эти тексты выполнены качественно и с большой эрудицией».

¹ Le Livre de Babur. Babur name: Mémoires du premier Grand Mogol des Indes (1494—1529). Paris, 1985. 358 p.

В 1981 г. первое издание «Бабур-наме» было удостоено премии Пьера Франсуа Кайе, присуждаемой Французским обществом переводчиков. Оно имело большой успех. Тираж быстро разошелся, что побудило руководство Восточного собрания национального издательства предпринять второе издание «Бабур-наме».

Это издание отличается не только своим форматом, качеством бумаги, но и новыми научными дополнениями, множеством иллюстраций и т. д. Оно открывается небольшим вступительным словом руководителя Восточного собрания национального издательства, проф. Андре Микэля, который вкратце рассказывает о Бабуре и «Бабур-наме», называя эту книгу «одной из главных книг мировой литературы». Перевод «Бабур-наме», выполненный Ж. Л. Бакке-Граммом, расценивается им как «точный и непринужденный».

Предисловие ко второму изданию «Бабур-наме» написано Ж. Л. Бакке-Граммом и просмотрено авторами трех предисловий первого издания. Книга снабжена картами Средней Азии, Афганистана, Индии, имеет научный комментарий, составленный Мухиббул Хасаном, и библиографический указатель. Последний просмотрен С. А. Азимджановой и дополнен списком вышедших в Советском Союзе до 1983 г. всех изданий «Бабур-наме», исследований советских ученых о Бабуре, альбомов миниатюр и др. Комментарии и примечания даны постранично.

Как и в первом издании, «Бабур-наме» разбита на три части: а) Мавераннахр и годы скитания; б) Кабул: стремление к власти и дипломатии; в) Индийский триумф. Каждый раздел снабжен картами соответствующего региона.

Новое издание «Бабур-наме» осуществлено большим форматом, на лощеной бумаге. В него включено более 50 превосходно выполненных миниатюр из рукописи «Бабур-наме», хранящейся в Делийском музее (Индия), и свыше 30 фотографий, карт и планов.

Издание снабжено также указателями (именным, географических названий, переведенных терминов) и индексом иллюстраций к книге приложена генеалогия Бабура как по материнской, так и по отцовской линии.

Приложены также статья С. А. Азимджановой о «Хатти Бабури» и фотофаксимиле отдельных страниц этой рукописи.

Перевод на французский язык «Бабур-наме», ее издание и переиздание в Париже мы рассматриваем как еще один факт плодотворного сотрудничества ученых Франции и СССР, в том числе Узбекистана.

Д. Валиева

ОПЫТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ МУЗЕЯ ПО КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ

(Ташкент: Фан, 1987. 176 с.)

В сборнике освещаются актуальные проблемы деятельности музеев, связанные с выполнением на современном этапе их идейно-воспитательных функций как научно-просветительных учреждений. Они осуществляются посредством гибкого сочетания многообразных форм: создания экспозиций, выставок, тесного взаимодействия музея со школами, вузами, изучения и использования в пропагандистских целях богатейшего культурного наследия и документальных источников, хранящихся в музейных фондах, дополнительной разработки отдельных недостаточно или малоизученных вопросов истории Узбекистана.

Сборник открывается содержательной статьей И. Л. Транис «Музеи — активные помощники партии в идейно-политическом воспитании масс», обобщающей опыт работы музеев республики в 1984—1986 гг. по сбору экспонатов, созданию экспозиций, организации экскурсий, лекционной пропаганде. Обстоятельны статьи Н. С. Садыковой — «Единство научно-исследовательской и идейно-воспитательной работы музеев Узбекистана» и «Возрастание роли музеев в патриотическом и интернационалистском воспитании трудящихся на современном этапе».

Об экспозиционной работе музея рассказывают статьи Х. Д. Садыкова — «Раскрытие средствами экспозиции темы «Развитие революционного и народных движений в Узбекистане в конце XIX — начале XX в.» и О. Б. Спейского — «Показ в экспозиции музея темы «Руководящая роль КПСС в период победы Великой Октябрьской социалистической революции».

О путях комплектования музейных собраний и содержания отдельных коллекций сообщается в статьях Л. Г. Левтеевой — «Комплектование музейной коллекции в 1984—1986 гг.» и К. П. Кандаловой — «Коллекция плакатов периода Великой Отечественной войны в собрании музея».

В статье Н. К. Султановой «Работа музея по подготовке Свода памятников истории и культуры Узбекистана» обобщен опыт подготовки Музеем истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР томов Свода памятников по Ташкентской области и г. Ташкенту. Издание Свода — новая и сложная задача. Здесь научные проблемы истории смыкаются с проблемами архитектуры, искусствоведения, широкими культурно-общественными задачами.

Статьи Л. Г. Левтеевой — «Из истории создания и деятельности общественных музеев Узбекистана» и М. Х. Султанова — «Из опыта создания музея боевой и трудовой славы колхоза ордена Ленина им. Ю. Ахунбабаева Ханкинского района Хорезмской области» освещают практические шаги по созданию в республике сети общественных музеев как одной из важных форм воспитания людей на революционных и трудовых традициях советского народа.

О работе музея с вузами рассказывается в статье Р. А. Дервиша и Л. Г. Левтеевой «Идейно-воспитательная работа музея со студенческой молодежью».

Сборник включает статью Н. С. Садыковой «Исторнография и источники по музейному строительству», в которой освещается история изучения музейного дела, анализируется источниковая база музейного строительства.

Книга рассчитана на музейных работников, преподавателей вузов и школ, студентов, всех интересующихся вопросами музейного дела в Узбекистане.

Л. Л.

ХРОНИКА

В УЗБЕКИСТАНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

30 марта 1987 г. состоялось расширенное заседание Бюро Узбекстанского отделения Философского общества СССР. Оно было посвящено итогам проходившего в январе 1987 г. IV съезда Философского общества (ФО) СССР и задачам философов Узбекской ССР. С докладом на эту тему выступил председатель Отделения проф. К. Х. Ханазаров. В докладе был дан анализ работы съезда, прошедшего в духе перестройки, и сформулированы задачи, вытекающие из постановлений январского (1987) Пленума ЦК КПСС и решений форума философов страны.

В работе съезда приняло участие около 330 делегатов, в том числе из Узбекистана. Они заслушали отчет о деятельности Общества между двумя съездами, с которым выступил первый вице-президент ФО СССР, доктор филос. наук, проф. В. И. Столяров. В прениях по отчетным докладам Президиума и Ревизионной комиссии Общества выступило около 40 ораторов, представлявших все республиканские, региональные и областные отделения и все направления философских исследований. Отчетный доклад и выступления на съезде носили большей частью острый характер и были направлены на постановку актуальных вопросов философской науки и научного коммунизма. В частности, отмечалось, что пока еще мало фундаментальных исследований, выполненных на уровне современных требований. Философы не дают глубокого осмысления процессов совершенствования социализма. Публикации же по диалектическому материализму отличаются нередко схоластичностью и метафизичностью постановки вопросов.

В отчетном докладе говорилось и о том, что в стране плохо поставлена координация исследований по философии и научному коммунизму, запущена работа с философской молодежью. Серьезные недостатки имеются в работе Философского общества СССР: оно во многом дублирует научно-исследовательские учреждения, не возглавляет составление программ исследований по философии и научному коммунизму, не имеет четко определенного круга обязанностей.

Делегаты съезда также отметили целый ряд существенных недостатков в работе Философского общества и в исследовании актуальных проблем философии и научного коммунизма, указав на необходимость тесной связи их с запросами практики. Отмечались также трудности с публикацией трудов философов, существенные недостатки в преподавании курсов философии и научного коммунизма в вузах.

Съезд принял решения, нацеленные на устранение этих и других недостатков и всемерную активизацию усилий советских философов в перестройке и ускорении социально-экономического развития страны.

В обсуждении доклада об итогах IV съезда ФО СССР приняли участие доктор филос. наук В. С. Бикрицкий, В. М. Кандинов, О. П. Умурзакова, А. Ф. Файзуллаев, Х. А. Шайхова и др. Они поддержали основные положения доклада и высказали ряд соображений о дальнейшем улучшении работы философов Узбекистана.

Г. А. Покачалов

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

21—22 мая 1987 г. в столице братской Киргизии г. Фрунзе состоялась II межреспубликанская научная конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана, посвященная 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Конференция была организована Институтом истории и Советом молодых ученых АН КиргССР. Вступительным словом ее открыл директор Института истории АН КиргССР А. К. Каниметов.

На пленарном заседании доклад о роли Великого Октября в судьбе человечества сделал акад. АН КиргССР, чл.-кор. АН СССР К. К. Каракеев. Затем с докладами выступили молодые историки Х. Нуритдинов, А. Қиштимов, С. Бейсембаева, Н. Усупов, рассказавшие о сотрудничестве в развитии науки, техники и культуры народов Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Киргизии, связях этих республик с РСФСР и Белоруссией. В частности, в докладе А. Қиштимова (Институт истории АН БССР) была дана оценка вклада ученых Белорусской ССР в развитие науки и техники республик Средней Азии.

Далее работа конференцией проходила по 3 секциям, где было заслушано 55 докладов.

Тематика докладов I секции касалась Великой Октябрьской социалистической революции и вопросов строительства социализма (рук. — чл.-кор. АН СССР, акад. АН КиргССР К. К. Каракеев, чл.-кор. АН КиргССР С. Т. Табышалыев). Всего заслушано 8 докладов, из них 5 освещали вопросы историографии и источниковедения. В частности, В. Германов (Институт истории АН УзССР) сделал доклад «Роль Компартии в создании комсомольских организаций в Средней Азии в советской историографии 20—30-х годов».

Доклады II секции освещали проблемы совершенствования социализма (рук. — д. и. н. И. А. Соктоев). Всего заслушано 15 докладов.

III секция объединяла две подсекции: вопросы истории дооктябрьского периода и вопросы археологии и этнографии (рук. — к. и. н. В. П. Мокрынин). Всего заслушано 22 доклада, в том числе 7 — по археологии. Так, о последних археологических исследованиях в Хиве рассказали Г. Ходжаниязов и М. Мамбетуллаев. В докладе Г. И. Богомолова (Институт археологии АН УзССР) рассматривались интерпретация формы оссуариев и ее семантическая нагрузка (на основе сравнительного анализа Краснореченских и Ташкентских оссуариев).

Шесть докладов были посвящены вопросам этнографии, в частности этнокультурных процессов в среде малых народов Средней Азии.

В девяти докладах освещались вопросы истории дооктябрьского периода. Например, в докладе Э. Чарыева (ИБ АН УзССР) было подробно рассмотрено произведение ал-Марвази «Таба'и ал-Хайаван», которое, по мнению докладчика, проливает свет на этнокультурные и миграционные процессы в Центральной и Средней Азии в XI в. Новую попытку интерпретации Да Юань (Давань) предложил А. Калтанов (ИБ АН УзССР). Под этим топонимом, по его мнению, следует видеть государство, расположенное в районе Самарканда. В докладе Т. Машрапова (ИБ АН УзССР) были приведены некоторые новые факты о Киргизстане из «Маджму ал-гара'иб» Султан Мухаммеда («Собрание редкостей», составленное в 1569 г.).

Проведение конференции сыграло полезную роль в обмене опытом и информацией о научных разработках молодых исследователей Средней Азии и Казахстана. Хочется пожелать лишь в дальнейшем более четкой организации подготовки и проведения подобных форумов, обеспечения условий для широкого обмена мнениями, критической оценки заслушанных докладов.

Г. И. Богомолов

ИВАН КУЗЬМИЧ ДОДОНОВ (1900—1987)

13 июня 1987 г. скончался видный ученый-историк, академик Академии наук УзССР, участник гражданской войны, член КПСС с 1921 г., персональный пенсионер союзного значения Иван Кузьмич Додонов.

И. К. Додонов родился 5 июня 1900 г. в с. Скачихе Балашовского уезда Саратовской губернии (ныне Ртищевский район Саратовской области) в семье крестьянина-бедняка. В 1909—1912 гг. учился в начальной сельской школе. Затем батрачил у кулаков и помещиков.

В 1919—1922 гг. И. К. Додонов служил в частях Красной Армии (красноармеец, политработник). С 1922 г. он — секретарь партячейки в родном селе, с 1924 г. — секретарь волостного комитета партии в с. Красная Звезда Саратовской области, с 1926 г. — зам. заведующего и заведующий агитпропотделом Балашовского укома партии и ответственный редактор уездно-окружной газеты «Борьба», с 1929 г. — зам. заведующего отделом партийной пропаганды Сталинградского окружкома ВКП(б) и заведующего окружным кабинетом партпросвещения.

В 1932 г. И. К. Додонов досрочно окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова и был оставлен аспирантом по специальности «История СССР». В 1938 г. окончил Институт красной профессуры в Москве (в 1933—1936 гг. его учеба прерывалась работой в политотделе совхоза «Пограничный» Нижне-Волжского края). В 1932—1933 гг. параллельно с учебой исполнял обязанности доцента, заведовал кафедрой истории в Московском институте новых языков, а в 1936—1938 гг. преподавал историю КПСС в одной из партшкол Москвы.

В 1938 г. И. К. Додонов был направлен в Ташкент, где заведовал (1938—1951) кафедрой истории СССР САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) и по совме-

стителству (1938) кафедрой истории Института марксизма-ленинизма, был деканом исторического факультета САГУ (1939—1943), заведующим отделом пропаганды и агитации Ташкентского обкома партии (1938—1939), заведующим сектором пропаганды Отдела пропаганды и агитации КП КП(б)Уз, директором Института истории партии при ЦК КП(б)Уз (с 1944 г.), зам. председателя бюро Отделения гуманитарных наук АН УзССР и академиком-секретарем этого Отделения (с 1949 г.), заведующим отделом истории советского общества Института истории АН УзССР (1949—1951).

С 1951 г. И. К. Додонов работал в Москве. Был зам. директора Института истории АН СССР (1951—1952), профессором кафедры истории СССР МГУ им. М. В. Ломоносова (с 1952 г.), профессором, заведующим кафедрой истории СССР Московского государственного историко-архивного института (1954—1972).

В 1939 г. И. К. Додонов защитил кандидатскую диссертацию «Городские реформы Петра I», в 1944 г. — докторскую «История Февральской революции 1917 года в Узбекистане. Том I. Коренные области Узбекистана». В 1945 г. ему присвоено звание профессора в 1950 г. — почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР; в 1947 г. он был избран академиком АН УзССР.

И. К. Додонов был крупным специалистом в области истории СССР, Средней Азии и историографии советского общества, автором книги «Победа Октябрьской революции в Туркестане» (1958), соавтором и ответственным редактором многих коллективных трудов.

И. К. Додонов внес большой вклад в подготовку высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Он был активным участником многих научных форумов, вел большую научно-организаторскую работу.

Партия и правительство высоко оценили заслуги И. К. Додонова в развитии исторической науки и подготовке кадров. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями, Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов УзССР и других среднеазиатских республик. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Светлая память о Иване Кузьмиче Додонове навсегда сохранится в наших сердцах.

*П. К. Хабибуллаев, И. К. Лапкин, Т. Р. Рашидов,
Э. Ю. Юсупов, Д. А. Мусаев, Г. А. Пугаченкова,
К. Е. Житов, Р. Х. Аминова, М. А. Ахунова,
А. И. Ишанов, Ш. З. Зиямов, Р. Я. Раджапова,
Б. В. Лукин, Р. А. Нуруллин, Ю. А. Пономарев и др.*

МУНДАРИЖА

Улуғ Октябрнинг 70-йиллигига

- А. Қ. Валиев. Улуғ Октябрь ва СССРда кадрлар тайёрлашда халқларнинг ўзаро интернационал ёрдами 3

«Ҳужум»нинг 60-йиллигига

- Л. Зальцман. Совет Ўзбекистони хотин-қизлари янги турмуш даражасининг шаклланиши 10

Ривожланаётган социализмда ишлаб чиқариш кучлари ва ишлаб чиқариш муносабатларининг ривожланиш диалектикаси

- Э. Л. Золотарев, В. И. Соковнин. Экология ва экономика 16

Партия қарорлари — ҳаётга!

- О. Ф. Файзуллаев. Ўзбекистонда материалистик диалектика назарияси ва табиатшунослик фалсафаси проблемаларини ишлаб чиқиши 26

- Д. И. Бернштейн. Меҳнатсиз даромадга қарши курашнинг ҳуқуқий масалалари 33

Ўзбекистон халқларининг миллий-озодлик ҳаракати тарихига оид

- М. Ф. Ваҳобов. Яна бир бор 1898 йил Андижон қўзғолони тўғрисида 43
Ҳ. З. Зияев. 1898 йил Андижон қўзғолонининг социал моҳияти ҳақида 57

Илмий ахборот

- Н. Д. Одилов. Турмушимиз мезони — ҳушёрлик 64

- А. Р. Муҳаммаджонов. «Қўқон» ва «Ҳўжанд» топонимларининг этимологиясига оид 65

Янги китоблар

- Д. Валиева. «Бобирнома»нинг француз тилидаги янги наشري 67

- Л. Л. Меҳнаткашларни коммунистик руҳда тарбиялашда музейнинг идеологик ишлари тажрибасидан 68

Хроника

- Г. А. Покачалов. СССР философия жамиятининг Ўзбекистон бўлимида 69
Г. И. Богомолов. Урта Осиё ва Қозоғистон ёш тарихчиларининг конференцияси 69

- Иван Кузьмич Додонов (1900—1987)** 70

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Великого Октября

- А. К. Валлег. Великий Октябрь и интернациональная взаимопомощь народов СССР в подготовке кадров 3

К 60-летию «Худжума»

- Л. Зальцман. Становление нового образа жизни женщин Советского Узбекистана 10

Диалектика развития производительных сил и производственных отношений развивающегося социализма

- Э. Л. Золотарев, В. И. Соковнин. Экология и экономика 16

Решения партии — в жизнь!

- А. Ф. Файзуллаев. Разработка проблем теории материалистической диалектики и философии естествознания в Узбекистане 26

- Д. И. Бернштейн. Правовые аспекты борьбы с нетрудовыми доходами 33

К истории национально-освободительного движения народов Узбекистана

- М. Г. Вахабев. Еще раз об Андижанском восстании 1898 года 43

- Х. З. Зияев. О социальной сущности Андижанского восстания 1898 года 57

Научные сообщения

- Н. Д. Адылов. Трезвость — норма нашей жизни 64

- А. Р. Мухамеджанов. К этимологии топонимов «Қўқанд» и «Хўжанд» 65

Новые книги

- Д. Валиева. Новое издание «Бабур-наме» на французском языке 67

- Л. Л. Опыт идеологической работы музея по коммунистическому воспитанию трудящихся 68

Хроника

- Г. А. Покачалов. В Узбекстанском отделении Философского общества СССР 69

- Г. И. Богомолов. Конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана 69

- Иван Кузьмич Додонов (1900—1987) 70

НАШИ АВТОРЫ

- Валиев А. К.** — доктор философских наук, зав. отделом исторического материализма и социологии Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Вахабов М. Г.** — доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПУз.
- Зияев Х. З.** — доктор исторических наук, зав. отделом новой истории Узбекистана Института истории АН УзССР.
- Мухамеджанов А. Р.** — доктор исторических наук, зав. сектором Центрального и Западного Согда Института археологии АН УзССР.
- Файзуллаев А. Ф.** — доктор философских наук, зав. отделом диалектического материализма и истории философии Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Бернштейн Д. И.** — кандидат юридических наук, доцент кафедры советского права ТашПИ им. Беруни.
- Зальцман Л.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Золотарев Э. Л.** — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник СОПСа АН УзССР.
- Соковнин В. И.** — кандидат технических наук, зав. отделом природопользования и охраны биосферы СОПСа АН УзССР.
- Адылов И. Д.** — инструктор Республиканского добровольного общества борьбы за трезвость.

Цена 65 к.

Индекс
75349